
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 45 (2158)

Основан 1 апреля 1923 года

2 НОЯБРЯ 1968

«СПАСИБО ТЕБЕ, ВЕЧНО БУРЛЯЩИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ЭНТУЗИАЗМОМ, ЗАДОРОМ НОВАТОРСТВА, БЕЗЗАВЕТНОЙ ЭНЕРГИЕЙ ЮНОСТИ СОЮЗ МОЛОДЫХ ЛЕНИНЦЕВ!»

Из речи Л. И. Брежнева на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию комсомола

Москва, Кремлевский Дворец съездов, 25 октября 1968 года. Торжественный пленум ЦК ВЛКСМ, посвященный 50-летию комсомола.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени Ленинского комсомола.

Фото А. Гостева.

ПРАЗДНИК КОМСОМОЛИИ

25 октября в Кремлевском Дворце съездов состоялся торжественный пленум Центрального Комитета ВЛКСМ, посвященный 50-летию Ленинского комсомола.

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами встретили делегаты и гости появление в президиуме руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

На пленуме присутствуют представители 129 коммунистических и прогрессивных молодежных организаций из 93 стран мира.

С большой речью перед участниками пленума выступил Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев. Он зачитал приветствие ЦК КПСС Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи, встреченное участниками пленума бурей аплодисментов.

С речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, огласивший Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ленинского комсомола орденом Октябрьской Революции. По поручению Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил этот орден и прикрепил его к знамени Ленинского комсомола. Н. В. Подгорный зачитал затем Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами 39 комсомольских организаций страны и сердечно поздравил участников пленума, всех комсомольцев и молодежь с высокими правительственными наградами.

С докладом «50 лет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи» выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

Пленум приветствовали представители разных поколений комсомола.

Горячий привет и поздравления советской молодежи от героического вьетнамского народа передал первый секретарь ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама Ву Куанг.

Участники пленума от имени комсомольцев и советской молодежи единодушно приняли письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Герои Советского Союза, летчики-космонавты Валерий Быковский и Павел Попович.

Приветствуют пионеры...

ПРАЗДНИК КОМСОМ

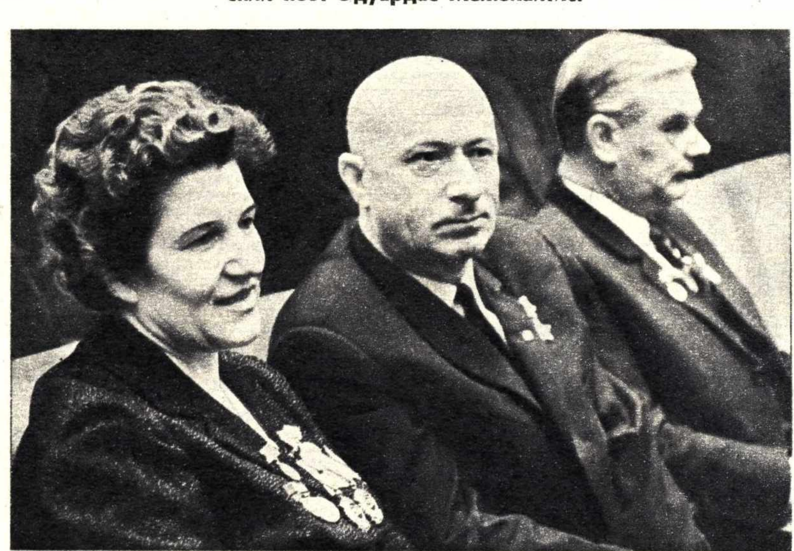

В зале заседания...

Герой Советского Союза летчица Марина Чечнева и трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб.

Комсомольцы разных поколений: прославленная трактористка Дарья Гармаш, Герой Советского Союза Мелитон Кантария и литовский поэт Эдуардас Межелайтис.

В кулуарах.

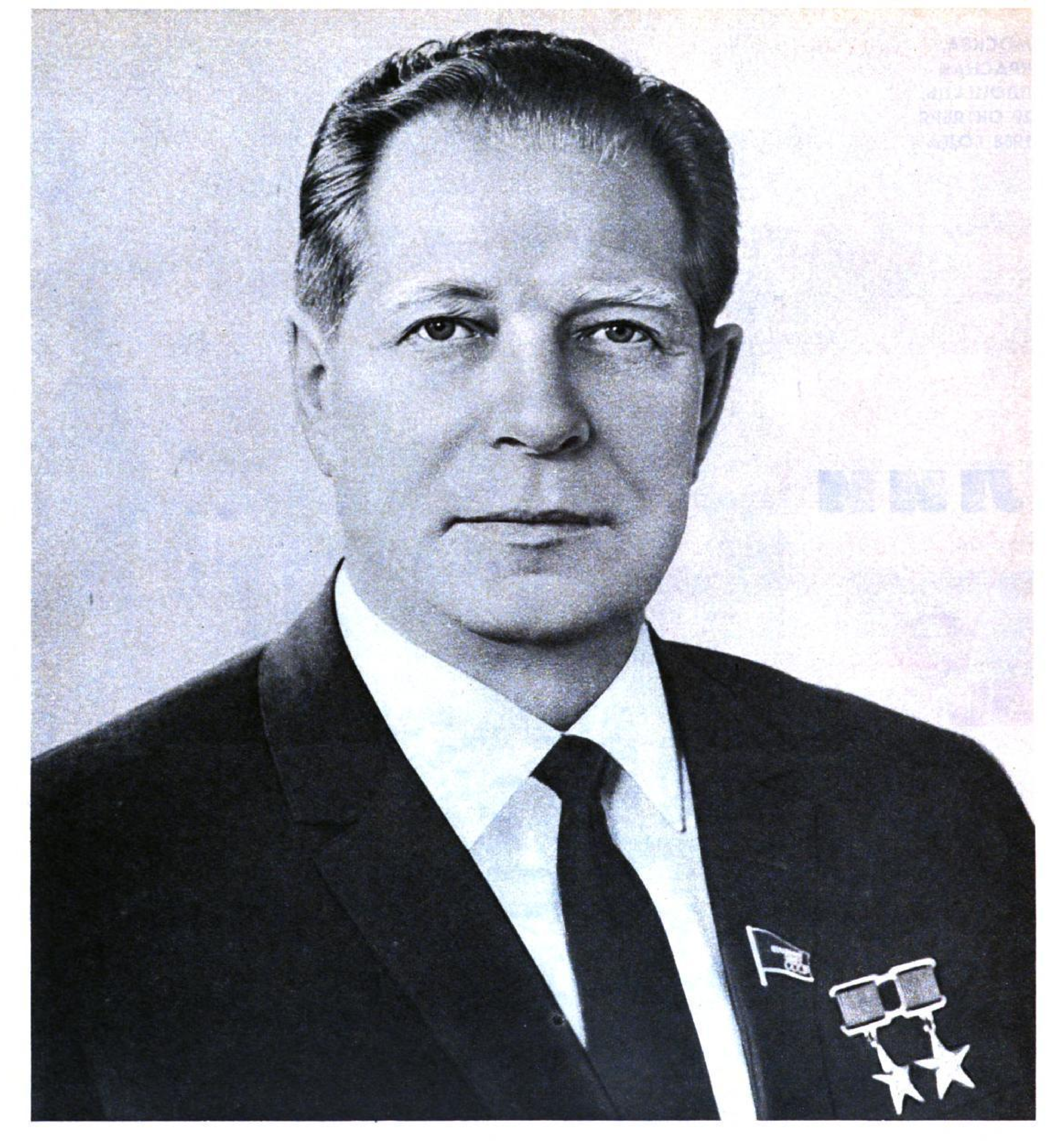

**МОСКВА,
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ,
29 ОКТЯБРЯ
1968 ГОДА**

ОЛИИ

Торжественная манифестация советской молодежи.

Товарищу УСТИНОВУ Дмитрию Федоровичу

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР горячо поздравляют Вас, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, в день Вашего шестидесятилетия.

Желаем Вам, Дмитрий Федорович, долгих лет жизни, доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо советского народа, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении тов. Устинова Д. Ф. орденом Ленина

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. **Устинова Дмитрия Федоровича** орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 29 октября 1968 г.

ЛИКУЕМ, ГОРДИМСЯ, ОБНИМАЕМ!

26 октября 1968 года на орбиту искусственного спутника Земли мощной ракетой-носителем был выведен космический корабль «Союз-3».

Гражданин Советского Союза летчик-космонавт, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, полковник БЕРЕГОВОЙ Георгий Тимофеевич вписал еще одну блестящую страницу в летопись покорения Вселенной.

30 октября посланец советской страны во Вселенную вернулся на родную Землю.

Новый триумф советской науки и техники.

Летчик-космонавт, Герой Советского Союза, полковник Георгий Тимофеевич Береговой на Красной площади.

НА КОСМИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

С. БОРЗЕНКО, Н. ДЕНИСОВ

Очерк написан для журнала «Огонек» специальными корреспондентами «Правды».

Весь мир рукоплещет советскому гражданину, продолжившему штурм космоса. Народ наш ликует, гордится, поздравляет, приветствует сына своего, сына Земли, покоряющего Вселенную. Кто он, этот человек, имя которого гремит на всех континентах? Двенадцатый советский космонавт Георгий Тимофеевич Береговой родился сорок семь лет тому назад в селе Федоровка, Карловского района, Полтавской области. Юность его отшумела в Донбассе — на Енакиевском металлургическом заводе и на аэродроме Луганской школы военных летчиков. По счастливой случайности нам довелось бывать и на плодородных землях федоровского колхоза «Авангард»; и на доменных и мартеновских печах Енакиева; и в Луганской школе военных летчиков, воспитавшей 187 Героев Советского Союза.

Георгий Тимофеевич очень удивился, когда при первом знакомстве мы рассказали о том, что бывали в его родных местах, а во время

войны встречались с его товарищами по авиационному соединению, которым в то время командовал один из первых Героев Советского Союза, генерал Н. П. Каманин. И случилось так, что Николай Петрович Каманин еще тогда, четверть века назад, предсказавший завидную летную судьбу двадцатитрехлетнему гвардии капитану Георгию Береговому, на днях на космодроме представил его Государственной комиссии как командира космического корабля «Союз-3» и вместе с крупнейшими советскими учеными, конструкторами и друзьями-космонавтами провожал в новый звездный рейс. Вот так в нашей стране счастливо переплетаются судьбы мужественных, одаренных людей.

Имя Георгия Берегового и в дни войны и в мирные годы неоднократно встречалось в печати. Военные газеты писали о его подвигах. А их в то время было немало. В его боевой биографии, начавшейся в июне сорок первого на Западном фронте, когда он был еще только сержантом, и закончившейся в мае сорок пятого года под Брно, в Чехословакии, куда он прилетел гвардии майором, было много славных дел. Каждый из его 185 боевых вылетов — мужество, помноженное на мастерство. Известны три случая, когда продырявленные снарядами вражеских зениток и пулями «мессершмиттов» самолеты, управляемые Береговым, горели, падали на поле боя. И во всех трех случаях исключительное самообладание и находчивость спасали жизнь молодому летчику. Во время штурмовых налетов на вражеские позиции, аэродромы, штабы, коммуникации Георгий Береговой не только уничтожал наземные цели, но и сбивал самолеты противника.

Жизнь-подвиг! Так было и в годы войны и после нее. Одна из самых романтических профессий в наши дни — профессия летчика-испытателя. Не каждому авиатору дано войти в героическую семью испытателей новой авиационной техники. Здесь каждый вылет — творческая работа, связанная с благородным риском. Необходимые для такой работы грани характера у Берегового отточил и отшлифовал фронт, его мужество закалялось в огне боев. И вскоре после окончания Великой Отечественной войны он с радостью согласился стать летчиком-испытателем.

Полтора десятка лет провел Георгий Береговой на трудной летно-испытательной службе. Прославленные творцы новых советских самолетов А. И. Микоян, П. О. Сухой, А. Н. Туполев, А. С. Яковлев и другие видели в нем человека смелого, пытливого, принципиального, отлично знающего авиационную технику. Но сам он не склонен был переоценивать свои возможности. Работая плечом к плечу с выдающимися советскими самолетостроителями, он остро ощущал: ему все же не хватает знаний. Давно зрела мысль о поступлении в военную академию. Но тогда надо на какое-то время оставить полюбившееся дело. И Георгий Береговой решает, не покидая летно-испытательного аэродрома, поступить на заочный факультет Военно-воздушной академии, которая сейчас носит славное имя Ю. А. Гагарина.

Юрий Алексеевич Гагарин был тем человеком, который познакомил нас с Георгием Тимофеевичем. С присущей Гагарину меткостью он сразу дал точную характеристику своему новому товарищу-космонавту: «Если мы, уже слетавшие, показали, на что способен человеческий организм в космосе, то Георгий Тимофеевич, летчик-испытатель, покажет, на что способны советские космические корабли...»

И действительно, находясь на орбите, Космонавт Двенадцать меньше всего передавал на Землю о своем самочувствии, все внимание уделяя работе систем корабля, маневрированию им, сближению с беспилотным кораблем «Союз-2», выполнению ряда других научно-технических и медико-биологических заданий. Миллионы людей видели на экранах своих телевизоров, как спокойно, сосредоточенно трудился Георгий Береговой в кабине «Союза-3», как он производил записи в бортовом журнале космического корабля, разговаривал по радио с Землей, передавал оттуда, из космоса, результаты своих наблюдений.

Каждый час пребывания «Союза-3» на орбите был строго регламентирован — работа с приборами и системами управления кораблем, научные наблюдения, отдых в смежном с пилотской кабиной специальном отсеке, и снова работа по тщательно продуманной программе. Уже на первом витке вокруг земного шара корабль «Союз-3», пилотируемый Георгием Береговым, производил сближение с беспилотным кораблем «Союз-2», который на глазах космонавта могучая ракета вывела на высокую орбиту. Как известно, первоначальное сближение двух космических кораблей, «Союза-2» и «Союза-3», происходило с помощью автоматики. А затем, когда между кораблями расстояние составило 200 метров, последующие операции по их сближению, взяв в руки ручное управление «Союзом-3», производил Георгий Береговой. Все это происходило там, под звездами, на своеобразном космическом перекрестке.

На следующий день полета Георгий Береговой вновь маневрировал своим кораблем — выполнялось с помощью автоматики и ручного управления повторное сближение «Союза-2» и «Союза-3». После сближения «Союз-3» вышел на еще более высокую орбиту — его максимальное удаление от Земли вместо первоначального в 225 километров стало равным 252 километрам. Подобной задачи еще не выполнял ни один советский космонавт.

Космические перекрестки! В этом понятии заложено многое. Приходит время, когда неизмеримо расширившиеся горизонты отечественной космонавтики выдвигают перед исследователями просторов Вселенной все новые и новые проблемы. Шесть лет прошло с той поры, когда впервые в мире на подобном подзвездном перекрестке близко друг от друга — всего несколько километров — появились два наших космических корабля: «Восток-3» Андрияна Николаева и «Восток-4» Павла Поповича. Они совершили тогда длительный, трехсуточный групповой полет. Через несколько месяцев, в шестьдесят третьем году, снова бороздя звездный океан рядом, в длительном совместном полете, оказались еще два наших корабля — «Восток-5» Валерия Быковского и «Восток-6» Валентины Терешковой. В нашей стране, как известно, не так давно были дважды проведены успешные опыты автоматической стыковки беспилотных искусственных спутников Земли. Нынче в своем полете интереснейший эксперимент сближения и маневрирования космических кораблей, сочетая автоматику с филигранным пилотированием посредством ручного управления, проделал Георгий Береговой.

Этот эксперимент — лишь один эпизод из многогранной программы полета «Союза-3», десятого полета советских людей по космическим трассам, первую из которых проложил легендарный Юрий Гагарин. Надо сказать, что подвиг Юрия Гагарина в судьбе Георгия Берегового, как, впрочем, и в судьбах многих советских космонавтов, сыграл большую роль.

Георгий Тимофеевич рассказывал нам, какое ошеломляющее впечатление произвело на него событие, свершившееся 12 апреля 1961 года. Именно после этого дня у Берегового, к тому времени получившего почетное звание заслуженного летчика-испытателя СССР, возникло страстное желание попробовать свои силы на новом поприще. Но были и сомнения.

...Прожита большая летная жизнь. За плечами — свыше двух тысяч часов налета, годы войны, летно-испытательной службы, занятия в академии. Уже первые серебристые нити вплелись в черную шевелюру. Как-то он задумался: «На сколько Гагарин младше меня? На тринадцать лет! Когда он в Клушине еще только начинал ходить в школу, я уже воевал. Если мне даже и удастся попасть в группу космонавтов, то сколько же времени уйдет на освоение всех космических премудростей?..» Вопросы, вопросы, вопросы...

Робко, исподволь Георгий Тимофеевич стал искать поддержки у близких людей. И мать Мария Семеновна, и жена Лидия Матвеевна, историк по образованию, и старший брат Михаил, генерал, одобрили смелый замысел. Но пока еще это была только мечта. И как ни парадоксально, решительный толчок подали... дети Берегового. Однажды после полета Валентины Терешковой дома во время обеда семилетняя Люда сказала: «Вот, папа, Терешкова какая храбрая! — И совсем неожиданно спросила: — Ты все время летаешь в небе, а в космос смог бы слетать?» Девочка задела больную струну. А тут еще и двенадцатилетний сынишка Виктор подлил масла в огонь: «А ведь я знаю, папа, что ты хочешь стать космонавтом...» «Почему ты так думаешь?» — спросила мать. «Так все думают в нашем гарнизоне»,— зардевшись, ответил юноша.

Это была правда. Среди авиаторов крепло убеждение, что приходит пора, когда в космос должны отправляться люди различных специальностей, в том числе, несомненно, и летчики-испытатели. И, похлопывая Берегового по плечу, друзья говорили с дальним прицелом: «Есть еще порох в пороховницах...»

Крепкую поддержку словом и делом в стремлении к космической стезе Георгию Береговому оказал собрат по небу, тоже заслуженный летчик-испытатель СССР, генерал Степан Анастасович Микоян. Когда Береговой поделился с ним своими замыслами и сомнениями, тот аргументированно рекомендовал его кандидатуру в семью космонавтов. Рекомендовал государственным деятелям, занимающимся вопросами освоения космоса, и командованию Военно-Воздушных Сил, и ученым, в том числе академику С. П. Королеву.

После прихода Георгия Берегового в группу космонавтов Сергей Павлович Королев сразу обратил на него внимание. Многое прельщало его в этом человеке. И эрудиция, и физическая закалка, и опыт летчика-испытателя, и Золотая Звезда Героя, полученная на фронте. Великолепно знающий возможности каждого космонавта, академик С. П. Королев находил в нем много общего с Владимиром Комаровым и Павлом Беляевым. Для них в то время космические задачи были уже определены. Владимир Комаров побывал в космосе на многоместном «Восходе», и ему предстояло выполнить новое сложное задание, Павел Беляев вместе с Алексеем Леоновым вот-вот должен был ринуться в звездный океан на «Восходе-2».

— Мы полагаем,— говорил нам Сергей Павлович,— что ценнейший опыт Берегового как летчика-испытателя позволит поручить ему такое космическое задание, которое будет наиболее соответствовать его знаниям и приобретенной практике...

Встречаясь с космонавтами, беседуя с ними в Звездном городке и на космодроме, мы почувствовали, что хорошо сработавшаяся группа молодых покорителей космоса, приняв Георгия Берегового в свою среду, однако, пристально присматривалась к нему: каков он? Пришедший к ним летчик был значительно старше их по возрасту, прошел иную, более трудную жизненную школу, на многие события и факты имел свой взгляд и, еще не слетав ни разу в космос, разговаривал с ними, как равный с равными. Однако «холодок» первоначальной настороженности таял с каждым днем. Всем понравилось, как с юношеской непосредственностью и горячностью Георгий Береговой уже через неделю после переезда в Звездный городок взялся за черновую работу: и за космические тренировки и за тщательное изучение опыта, приобретенного космонавтами в полетах. Он находил и видел в этих полетах то, что до него не все замечали. И вместе с тем не стеснялся спрашивать о том, чего не знал. Он был одновременно и учеником и учителем космонавтов. Он щедро, не скупясь, делился своими знаниями и опытом с товарищами. Это трогало, располагало к нему — человек раскрывался в новой для него обстановке не сразу, но раскрывался во всем богатстве своих духовных и физических сил.

Время учебы и тренировок для Георгия Берегового пролетело быстро — каждый день, а зачастую и сутки были до предела заполнены тренировками, тщательной отработкой всех деталей нынешнего полета. Сложное, трудоемкое и хлопотливое это дело — подготовка к космическому

Окончание на стр. 26.

Г. Т. Береговой на прогулке.

Фото К. Бондаренко.

Слово о первой бригаде

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Их было двадцать шесть. Шесть коммунистов и двадцать комсомольцев. В жизни своей они не свершили ничего как будто героического. Но бережно хранятся в архивах и музеях под стеклом их списки — пофамильные и поименные. И рядом со списками фотографии: задорные, сверкающие улыбками лица. В Музее Революции СССР, в первом зале на третьем этаже, экспонируется их дневник — большая, со следами прикосновения рабочих рук тетрадь в толстом коричневом переплете. Я попросила показать мне ее. И на следующий день рано утром, пока еще были закрыты для посетителей двери, уже листала страницы дневника, заполненные одним и тем же аккуратным, некрупным почерком. Одни записи протокольно-скупые, вроде самой первой, сделанной десять лет назад — 11 октября 1958 года:

«Сегодня было партийно-комсомольское собрание, на котором обсуждался вопрос о достойной встрече XXI съезда КПСС».

Другие более пространные, как эта, от 25 января 1959 года:

«Воскресенье. Были в Кремле. Встретились с участниками Всероссийского первомайского субботника (того самого, в котором участвовал Ленин). Генерал Еремин показывал все нам на местности и рассказывал, как шла уборка территории Кремля, где был и что делал в тот день двадцатого года Ленин. Очень интересно! Ребята задавали много вопросов. Никому не хотелось уходить. Потом пошли в Мавзолей, к Ильичу...»

С этой записью перекликаются другие, сделанные позже, в которых звучит все та же нота Ленинского субботника:

«После работы убирали цех». «Расчищали двор». «Посадили вчера много кустарников». «Ездили на станцию Ухтомскую, помогали строить жилые дома». «Собирали металлолом».

И еще строчки о Ленине:

«27 февраля. Вечером всей бригадой поехали в Музей Ленина. Л. А. Фотиева, секретарь Владимира Ильича, и комендант Кремля Мальков рассказывали нам о Ленине, о том, как он работал и жил». «12 апреля. Сегодня утром осматривали рабочий кабинет В. И. Ленина в Кремле». «...Персональный пенсионер Людвиг Валье рассказал о своих встречах с Лениным и участии иностранных рабочих в Октябрьской революции».

Что же волновало этих молодых ленинцев, чем они жили, каким воздухом дышали?

Листаешь страницы дневника и не можешь не удивиться широте их интересов, насыщенной, переполненной до краев деятельности, которая выпала на их долю, вернее, которую они сами избрали себе. Вот хроника только десяти самых обыкновенных дней.

19.XII. Доцент Московского энергетического института Шилка прочел лекцию об «умных машинах» (по материалам СССР и США).

29.XII. У нас выступал хор Свешникова. Обменялись подарками.

7.I. Слесари Малков и Лисицкий в воинской части. Будут рассказывать о нашей бригаде.

27.I. Группа наших рабочих отправилась в Обнинск, в экскурсию на первую атомную станцию.

5.II. Очередной четверг «Отдыхать — познавая». Студенты Института востоковедения поделились своими впечатлениями о поездке в Индонезию.

27.II. Лекция о работе мозга. Здорово!

3.III. В обеденный перерыв председатель ВЦСПС Гришин вручил почетную грамоту нашему мастеру Станилевичу.

17.IV. Дворец спорта. Смотрели «Балет на льду».

18.V. Пришла международная посылка из братской Чехословакии: альбом фотографий завода и бригады, с которой мы соревнуемся.

8.VII. Слесарь Борис Брыков — делегат VII Всемирного фестиваля молодежи. Сегодня освободили его от работы для подготовки к поездке в Австрию.

Записи в дневнике обрываются сентябрем 1959 года. Хочется знать, что было дальше, где остальные тома летописи, что собой представляет сам летописец и все его герои. Благо и адрес на обложке: «Москва, депо Сортировочная».

...Старое депо Московско-Рязанской железной дороги дважды вписало себя в историю. Первый раз почти полвека назад весенним субботним вечером. В тот вечер и в ту ночь с 12 на 13 апреля 1919 года тринадцать коммунистов и двое сочувствующих по своей доброй воле пришли в депо и работали бесплатно до шести утра. Председателем партячейки был слесарь Иван Бураков. За десять часов коммунисты отремонтировали три паровоза — №№ 358, 504 и 7024. Под звуки «Интернационала» они ушли потом на восточный фронт. Почин московских пролетариев всколыхнул всех. И кто сегодня не знает, какую высокую оценку дал ему в свое время В. И. Ленин!

Второй раз депо всенародно подало голос без малого сорок лет спустя. Осенью 1958 года коммунисты и комсомольцы роликового цеха депо бросили клич: «И работать по-коммунистически! И жить по-коммунистически!» Дневник и фотографии, что в Музее Революции СССР, и другие документы, с витрины на третьем этаже,— это о них, о тех, кто начинал движение за коммунистический труд. Их было двадцать шесть, а в инициативном ядре — трое: мастер бригады, коммунист Владимир Станилевич, партгрупорг слесарь Борис Брыков и секретарь комсомольского бюро ремонтных цехов слесарь Александр Лебедев. Мысли и чаяния двадцати шести были воплощены в заповеди ударников коммунистического труда. То был призыв к бою за человека коммунистического общества.

Не просто работать, а творить, во всяком деле проявлять смекалку. Не отказываться ни от какого задания — выгодно оно или не выгодно, тяжело или легко. Словом, относиться к труду как к потребности и радости, думать, как делать лучше. Быть щедрым: опыт и знания делить на всех, видишь, сосед отстает — помоги. Учиться всем. Помнить, что тебя ждет школа, техникум, институт. Воспитывать каждому себя и друг друга. И, конечно, мечтать... Да, да, мечтать! Саша Лебедев ремонтировал буксы, а видел себя машинистом электровоза. Крановщица Люся Федотова хотела строить, быть инженером. Слесарь Григорий Базарнов тоже хотел быть инженером, но только по локомотивам.

Мастер Станилевич — человек аналитического ума. Он приглядывался к людям и подмечал в них такое, что другие не замечали. Он умел обнаруженное направить на пользу общему делу, на благо всего рабочего коллектива.

Что из всего этого получилось, к чему пришел первый в стране коллектив коммунистического труда, показало время.

Новый корпус депо. Если б у входа и не было вывески, помогла бы мемориальная доска о первом коммунистическом субботнике. Она как паспорт человека — не требует комментария. Внизу, направо, музей. В первом отделе — подарки депо от советских и зарубежных гостей. Документы и фотографии, уже виденные мной в других местах.

Потом мне показали и мемориальный паровоз, что вечным памятником стоит за стеной, в цехе, а рядом с ним ремонтируются электровозы «ВЛ» — Владимир Ленин. Из дневника я уже знала, что по просьбе рабочих депо был разыскан один из тех трех паровозов, что были отремонтированы в 1919 году,— «Ов7024». Он работал в леспромхозе Хабаровского края и был торжественно возвращен в Сортировочную.

Брыков распахивает прозрачные стеклянные створки. И мы — в депо. Стены, облицованные белым кафелем, разноцветные плиты на полу, белоснежные фермы перекрытий, яркие, декоративно разбросанные пятна стендов. Калориферы, автоматы с водой, растения зелеными купами и даже аквариум... В отделении, где раньше работала бригада Станилевича, поразительная гамма красок: густо-желтые, салатные, лимонные тона. Станки, робко выглядывающие из-за разросшихся фикусов и роз. И над этим озорством цвета пестро-полосатая кабина крана наверху.

— Там Люся Федотова, наша мотористка, сидела.

— А вы? И вообще все остальные ребята?

— И тут, и в комнате рядом, где сейчас прибористы. Словом, все здесь начиналось — обдумывали обязательства, писали заповеди. Обязательства наши, вот они, на стене, уже навсегда.

— А кто вел у вас дневник?

— Тося Беляева, наш техник.

— В вашем дневнике бригады есть одно место... Впрочем, я сейчас прочитаю, выписала в свой блокнот: «20 января 1959 года. Инженер Волковский проводил очередное занятие с рабочими цеха. Тема: «Работа и устройство регуляторов топливного насоса». Что это было за занятие?

— Осваивали новую технику. Вместо паровозов пошли тепловозы. Да еще заграничные — для нас, слесарей, темный лес. Нам предложили: пошлем вас на курсы. Станилевич воспротивился: «Справимся сами». И такую развернул деятельность! Почти каждый день приезжали к нам специалисты из вузов, читали лекции, давали консультации. Вместе со студентами МИИТа открыли творческую лабораторию, мастерили испытательные стенды.

Брыков привел меня к тепловозу, только что ставшему на ремонт. На площадках, у дизелей, тормозов — везде, пооткрыв дверцы и крышки, трудились рабочие. Один из них, с резкими чертами лица и упрямо выдающимся подбородком, что-то говорил распорядительнее.

— Толя! — позвал его Брыков.— Павлюткин, «нашенский», с тех самых времен. Помню, пришел застенчивый такой, стеснительный парнишка. А теперь смотрите: хозяин, бригадирствует, секретарь комсомольской организации ремонтных цехов.

Павлюткин рассказал, что из «стариков» остались вместе с ним пятеро: электрик Лисицкий, слесарь Гудков, мастер Поляков (раньше он был слесарем) и старший мастер Григорий Базарнов. Базарнов тоже тогда был слесарем, окончил, как собирался, заочно институт, стал инженером.

— А вы сами, Толя, учитесь?

— Хожу в девятый класс.

В наш разговор вмешался старший мастер:

— Начальник депо на каждой планерке спрашивает: почему у тебя такой-то на занятии не был? Или: долго у тебя Петров с хвостами ходить будет?

Да, добрые традиции тут живы! Они переросли рамки одного цеха, стали нормой жизни всего депо, которому присвоено многообязывающее звание коллектива коммунистического труда.

...Из депо — на ВДНХ. Там, в павильоне ВЦСПС «Труд и отдых», работает Владимир Иосифович Станилевич. Он старший методист отдела труда, но иногда и ему при-

---

Николай БЫКОВ

Новый старт

Земных волнений перегрузки...
Мы ждали этих позывных:
— Вас понял! —
Вновь звучит по-русски
В пределах околоземных.

Преодолен барьер утраты,
И снова настежь в бездну дверь,
И, потрясенные когда-то,
Мы озабочены теперь.

Все правильно. Идет работа.
Как на земле, как на войне.
Быть может, до седьмого пота,
До вскрика, может быть, во сне...

Есть в наших буднях
Притяженье,—
Не рви его суровых пут!
Мне по душе мозолей жженье
И бег предстартовых минут.

Я ждал все лето,
В дальнем громе
Я узнавал зазвездный гул
И думал:
Там, на космодроме,
Коротким будет перекур...

Анатолий ЩЕРБАКОВ

Звездолет

Он лежит, стремительный, покатый,
По ступеням собранный вчера;
А вокруг — блестят, как снег,
халаты —
В шлемофонах черных мастера.

Надо было — вполовину спали,
Время у ночей беря взаем,
Чтобы звезды из уральской стали
Свет Земли несли за океом.

Огни Красноярской ГЭС

Огни Красноярской ГЭС.

Фото А. Гостева.

ходится вести экскурсии и давать пояснения. И Станилевич деликатно обходит тогда одну фотографию, на которой изображен он сам. А гостям вряд ли придет в голову заподозрить в солидном человеке в очках смеющегося парня в распахнутой куртке, шагающего в одном ряду с рабочими Сортировочной. Внешнего сходства почти нет. Неведомо гостям и то, что уже вот несколько лет их экскурсовод собирает и обобщает материал для диссертации о развитии социальной активности рабочих. Вероятно, тема этой диссертации возникла еще тогда, в депо, и она логически завершает его богатый опыт по созданию и руководству бригадой. Финал для мастера производства незаурядный.

А к чему привел мастер молодых слесарей, которых терпеливо подталкивал к науке, сбылись ли их замыслы? Что и где делает, например, Малков?

— Гена? Наш оратор? Он на всех вечерах выступал и непременно с успехом. Мы ему такую комсомольскую свадьбу всей бригадой отгрохали! Это были чудесные ребята, дружные, отзывчивые,— не без грусти вздохнул Станилевич.— На нашу премию — четыре тысячи цех тогда получил — устроили новоселье по всем правилам Толе Лисицкому и Ване Филюеву. Мебель им купили. А случись с кем-нибудь беда, остальные оказывались рядом. Помню, встретил я Мишу Дыхнилкина. Идет по цеху, чуть не плачет: «Затемнение какое-то в легких у меня нашли. Что теперь делать?» Поехал Миша домой, в Мичуринск, но мы о нем не забыли. Ездили навещать его, отвозили деньги, которые ребята собрали на лечение. И вернулся наш Миша в строй. Да, но мы отклонились несколько от нашей темы. Гена Малков окончил железнодорожный техникум заочно. Техниками стали еще несколько человек. А Саша Рапопорт, Виктор Горбунцов, Тося Беляева и Люся Федотова вышли, как им ни было трудно, в инженеры. Особенно Тосе, на три фронта разрывалась: семья с малым ребенком, депо и вуз. Долго училась, но все же одолела. Витя Горбунцов работает в Серпухове в Институте физики высоких энергий. Саша — в научно-исследовательском институте, давно его не видел. Люся окончила строительный факультет МИИТа. Просила направить ее в проектную организацию, а определили в управление Московской дороги. Слыхал, что все же она добилась своего: работает в архитектурной мастерской.

— Ваша бригада послужила для ребят своего рода трамплином: разогнались и совершили прыжок — кто куда, в разные стороны. А хорошо ли это для производства? Не правильней ли было попытаться удержать их в депо, закрепить на месте?

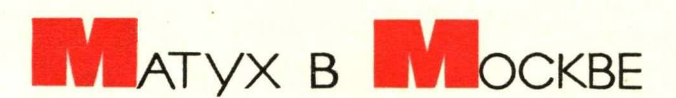
— Ну нет, вашу точку зрения я не разделяю. В бригаде они получили крепкую закалку. Ведь шли они к нам из ремесленных училищ и просто из школ, учениками. Неопытными, неумелыми. И тут первая в жизни проба. Кто остался, нашел себя здесь, а кто пошел дальше. Так разве можно такого стреножить? А потом учтите: почти все наши ребята так или иначе связали свою жизнь с железнодорожным транспортом. Это тоже кое-что значит, а? Что же касается производства, то фундамент мы заложили там прочный, на нем можно расти и растить новых людей. Училище каждый год подбрасывает выпускников. Их нужно куда-то определять. Значит, и место надо освобождать, так? А отшлифовывать их есть кому. Там наш костяк: Базарнов, Поляков, Павлютин, Лисицкий, Гудков, Гуськов...

Что ж, Станилевич, пожалуй, прав. Иначе и не ширилось бы дело, начатое по зову Ленина много лет назад. В октябре 1958 года их было двадцать шесть. Сейчас тринадцать миллионов ударников коммунистического труда. И еще тридцать пять миллионов участвуют в движении за коммунистический труд.

Иван Дмитриевич Селезнев руководит бригадой, которая монтирует первую турбину на Костромской ГРЭС.

Фото Г. Копосова.

Киримизе ЖАНЭ

Матух в Москве

Всю жизнь мечтал он побывать в Москве,
Воображая невиданные зданья,
И дятлом, до седин на голове,
Стучало в грудь упорное желанье.

Завидовал он втайне облакам
И птицам, улетающим в Россию,
И радовался утренним ветрам,
Несущим в горы запахи степные.

И вот однажды сын ему сказал:
— Отец, готовься — едем на вокзал.
Несется поезд, но не спит Матух.
О сне сейчас не может быть и речи.

Он думает, он размышляет вслух,
Он весь во власти предстоящей встречи.

И вот она, столица из столиц!
Стоит старик, ребячески глазея,
И незаметно падает с ресниц
Слеза на вечный камень Мавзолея.

У этих плит нетленен каждый миг.
Трепещет сердце пойманною птахой.
И раньше всех торжественный адыг
Снимает с головы своей папаху.
— Скажи, отец, в ауле старики
Ни перед кем голов не обнажают,
Лишь перед сном, белы, как ледники,
Их головы сединами сверкают...

— Ты молод, сын, и глупый потому.
Все старые и мудрые на свете —
Мальчишки перед Лениным. Ему
Должны б святые кланяться в мечети.

— Скажи, отец, а что ты там шептал,
Когда смотрел на лоб его высокий?
— Большой салям ему передавал
От маленькой земли моей далекой.
От всех адыгов, от орлов и скал
Я Ленину салям передавал.
...Москва огромна и шумна всегда,
Зовет в театры, храмы и музеи.
Но каждый день Матух идет сюда,
К священному величью Мавзолея.
Здесь вся Москва.
Здесь память всей страны.
Здесь все дороги в узел сведены.
Когда собрался уезжать Матух,
Сказал он сыну, радостно краснея:
— Я много прожил, я простой пастух,
Но разгадал я тайну Мавзолея:
Не умер Ленин. Он всего лишь спит,
И слышит все, и думает, и знает.
Им на земле никто не позабыт.
Он нам с рассветом солнце посылает.
Он мне сказал сегодня: поезжай,
Земной поклон адыгам передай.

Перевел с адыгейского.
А. Гриценко

Бронислав КЕЖУН

Город мой

В тучах скрылись звезды ночи —
Мириады звезд,
И луна занять не хочет
Свой высокий пост.

Только плавки из мартенов,
Словно блеск зари,
Огоньки телеантенны,
Луны-фонари.

Здесь, где майскими ночами
Свищут соловьи,
Где морской простор венчает
Улицы твои,

Я иду порой неранней
Городом родным...
Вижу: рой воспоминаний
Кружится над ним.

Вижу выбоины в камне,
Надпись на стене:
Это горестная память
О былой войне.

В белой изморози стены,
Город пуст и мглист...
Что он слышит?
Вой сирены
И снарядов свист!

Было все: и голод лютый,
Было много бед...
Были песни и салюты
В честь твоих побед!

Шли в шинелях и в бушлатах,—
Горю не бывать!..
Шли матросы из Кронштадта
Зимний штурмовать.

У костра, браток, погрейся:
В тучах — небеса!
Шли бойцы-красногвардейцы —
Питера краса.

Шли сыны семьи не царской —
Родины сыны:
Дети Нарвской,
Пролетарской
Дымной стороны.

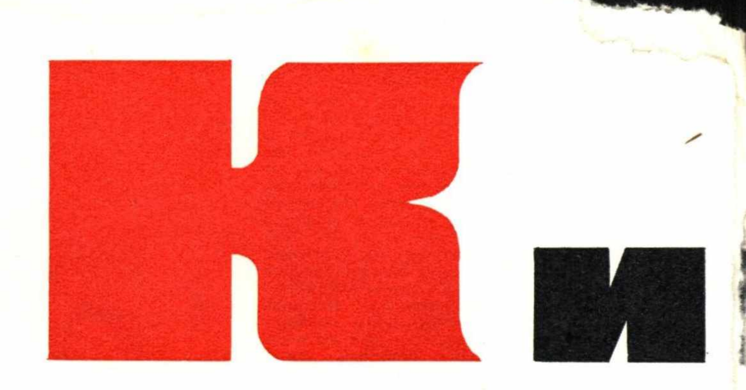
Что в дороге небывалой
Ждет их впереди?..
Каждый малый —
С ярко-алой
Лентой на груди!

Я иду порой неранней
Городом родным.
Длинный рой воспоминаний
Кружится над ним.

Ни луны, ни звезд туманных,—
Спит мой Ленинград,
Только на портальных кранах
Звездочки горят.

Заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза К. С. МОСКАЛЕНКО

Всякий раз, когда исполняется юбилей какого-либо события времен Великой Отечественной войны, в котором довелось принимать непосредственное участие, из глубин памяти как бы всплывают характерные подробности и эпизоды самоотверженной борьбы нашего народа. Чем значительнее событие, битва, сражение, тем ярче и больше картин проходит перед умственным взором. Они сохранили всю свою свежесть, колорит красок и звуков, виденных и слышанных в то время.

Четверть века назад, 6 ноября 1943 года, в канун двадцать шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, была освобождена от немецко-фашистских захватчиков столица Украины. Над матерью городов русских заполыхало кумачовое знамя — символ свободы и независимости.

Разгром гитлеровских войск на Днепре, освобождение Киева является одной из выдающихся побед доблестных Советских Вооруженных Сил. Эта победа вошла в историю войны как продолжение разгрома врага, начатого на берегах Волги и под Курском.

Это историческое событие героических военных лет особенно памятно и близко автору этих строк. Мне довелось принимать в нем непосредственное участие, находясь сначала на посту командующего войсками 40-й армии южнее Киева, а затем — командующего войсками 38-й армии севернее его.

В июле 1943 года на Курской дуге были разгромлены немецко-фашистские войска. Это явилось важнейшим и решающим событием Великой Отечественной войны. Победа Красной Армии имела огромное значение для исхода всей второй мировой войны. Попытка гитлеровской Германии взять реванш за Сталинград и сохранить от распада блок фашистских государств потерпела полный провал. Поражение огромной ударной группировки, до предела насыщенной новейшей боевой техникой и вооружением, означало крах наступательной стратегии германского верховного командования и окончательную потерю стратегической инициативы.

В битве на Курской дуге противник ввел в бой свыше 70 дивизий, то есть около трети всех своих дивизий, имевшихся на советско-германском фронте. Около тридцати из них, в том числе семь танковых, были разгромлены советскими войсками, потеряли свыше 50 процентов своего состава и были сведены в боевые группы. Общие потери, по немецким данным, исчислялись в полмиллиона убитых, тяжелораненых и пропавших без вести солдат и офицеров. Гитлеровский фельдмаршал Манштейн — командующий группой армий «Юг» — вынужден был признать тяжелые потери опытных командных кадров. При отходе за Днепр он писал: «Мы должны были переправить... около 200 тысяч раненых».

В результате поражения вражеских войск изменилось соотношение сил, особенно на юго-западном направлении. Красная Армия начала наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря.

Гитлеровское командование перешло к стратегической обороне, к строительству оборонительных рубежей, имея задачу остановить наступление наших войск. Важнейшим из таких рубежей был Днепр, где еще в начале августа началось строительство так называемого «Восточного вала». Фашисты не верили в возможность форсирования нашими войсками такой крупной водной преграды и надеялись отсидеться, залечить свои раны. Геббельсовская пропаганда трубила о неприступности оборонительных сооружений за рекой.

Ставка Верховного Главнокомандования запланировала нанесение мощных ударов по немецко-фашистским войскам. Главный удар наносился на Украине, в среднем течении Днепра. Ведущим направлением считалось Киевское.

Наш Воронежский фронт под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина получил задачу быстро выдвинуться к Днепру. Его ударная группировка в составе 40-й армии под моим командованием и 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко в первом эшелоне и 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко — во втором была сосредоточена в центре оперативного построения фронта. Перед ними стояла задача: захватить плацдармы на правом берегу Днепра южнее Киева на участке Ржищев — Черкассы. Правофланговая 38-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, действовала севернее.

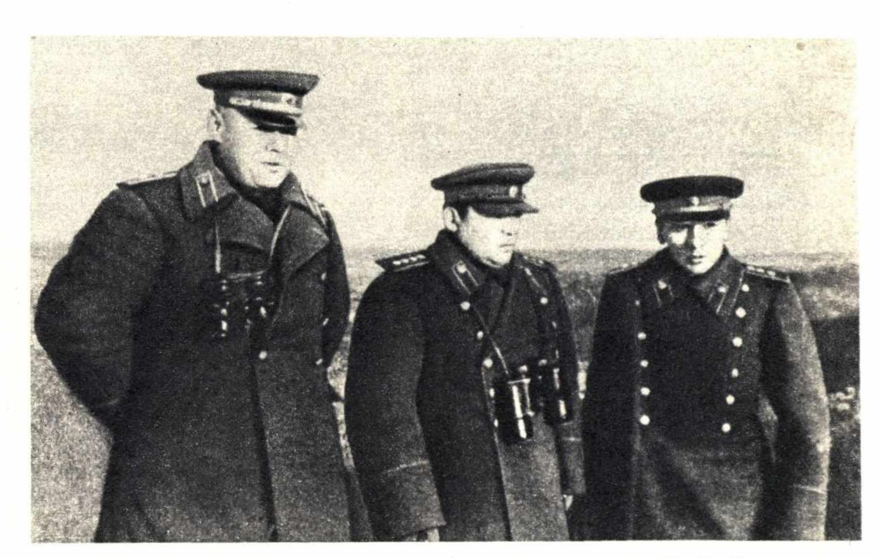
После прорыва обороны противника юго-восточнее Ромны наши войска устремились к Днепру в общем направлении на Переяслав-Хмельницкий. Темп наступления непрерывно возрастал и достигал 25—30 километров в сутки. 22 сентября 40-я и 3-я гвардейская танковая армии вышли к Днепру и в тот же день захватили плацдармы на правом берегу реки в районах Ржищев и Великий Букрин.

Патриотический порыв и энтузиазм воинских частей и подразделений, первыми вышедших к Днепру, не могла остановить широкая гладь реки. Не ожидая прибытия понтонов и других табельных переправочных средств, они начали переправу, действуя с решительностью и быстротой, с неистощимой солдатской смекалкой используя подручные местные средства. В ход пошли лодки, бревна, доски, бочки.

Воины преодолевали огромные трудности, но, несмотря на это, беспрерывным потоком переправлялись на правый берег, захватывая новые и расширяя старые плацдармы. Они отражали отчаянные атаки танков и пехоты противника, стремившихся сбросить их с захваченных плацдармов. Но все попытки противника оказались безуспешными.

Застрельщиками всех начинаний были коммунисты и комсомольцы. Их инициатива и стойкость не имели границ. За сентябрь партийные организации фронта выросли на 12 тысяч человек. В 40-й армии за это время более 2 тысяч человек получили партийные билеты. Большинство работников политотделов были направлены в части и подразделения, которым первым предстояло форсировать реку. Коммунисты и комсомольцы были расставлены так, что они составляли 50—70 процентов всего личного состава передовых отрядов.

Примеров героизма, мужества и храбрости не счесть. Только к зва-

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин (в центре), генерал-полковник К. С. Москаленко (справа), генерал-лейтенант П. С. Рыбалко — 29 октября 1943 года, накануне взятия Киева.

Киев 25 лет назад.

Фото К. Лишко.

ЕВ ВЗЯТ!

нию Героя Советского Союза было представлено свыше 700 воинов нашего фронта.

Яркий пример героизма и бесстрашия показал заместитель командира 1850-го истребительного противотанкового полка 40-й армии капитан В. С. Петров. В ночь на 23 сентября он переправил на правый берег на плотах орудия, боеприпасы и людей. Утром на плацдарме разгорелся жестокий, кровопролитный бой. Днями и ночами не прекращался штурм плацдарма. Атака следовала за атакой. Петров искусно руководил огнем. Много вражеских танков застыло перед позициями орудий, метким огнем артиллеристы уничтожили два шестиствольных миномета. А враг продолжал наседать. Вот у одного из орудий погиб весь расчет. Туда бросился Петров со своим ординарцем, и орудие снова открыло огонь. Новая атака врага была отбита. За этот подвиг Петров был удостоен звания Героя Советского Союза. Но Петров был тяжело ранен в обе руки. Врачи ампутировали их и спасли жизнь герою. Но он не оставил родного полка после излечения. Выйдя из госпиталя, он был назначен командиром полка, с которым прошел путь до Одера. Ныне В. С. Петров — генерал-майор, дважды Герой Советского Союза.

Население освобожденных приднепровских сел и местечек радостно встречало части Красной Армии и спешило, чем только могло, помочь нашим солдатам. Рыбаки извлекали из воды запрятанные от врага лодки и передавали их войскам для переправы. Жители окрестных сел по просьбе командования оказали помощь саперам в строительстве моста через Днепр. Несмотря на большие потери от огня артиллерии и налетов авиации, мост длиной в 700 метров был построен за 11 дней.

Это один из мостов, о которых фашистский генерал Меллентин писал: «Русские навели через Днепр несколько переправ, причем проявили настолько большое искусство в этой области, что сумели построить мосты для переправ войск и лошадей с настилом ниже уровня воды».

К 30 сентября войска правого фланга и центра Воронежского фронта захватили девять плацдармов севернее и южнее Киева. Важнейшими из них были Букринский — южнее и Лютежский — севернее города.

Букринский плацдарм был выгоден тем, что находился в небольшой излучине Днепра, обращенной выпуклой стороной на восток. Благодаря такому положению он мог простреливаться нашим огнем с трех сторон. На этом плацдарме и сосредоточились главные силы 40-й и 3-й гвардейской танковой армий. Позже подошла 27-я армия. Командование Воронежским фронтом решило овладеть Киевом с помощью двух ударов. Главный удар предполагалось нанести с Букринского плацдарма в западном и северо-западном направлениях. Второй удар, с Лютежского плацдарма, наносился в южном направлении. Войска ударных группировок должны были соединиться западнее города, замкнуть кольцо окружения и перерезать вражеские коммуникации.

Переправа-переправа... **Фото А. Шайхета.**

Киев наш!

Такое не забудешь...

На улицах столицы Украины 6 ноября 1943 года. Фото А. Шайхета.

Наступление с Букринского плацдарма предпринималось дважды: с 12 по 15 октября и затем с 21 по 24 октября, а с Лютежского плацдарма — с 11 по 17 октября. Но добиться крупного успеха нам не удалось, если не считать незначительного расширения обоих плацдармов. Противник сосредоточил здесь пять пехотных, три танковые и две моторизованные дивизии и создал прочную оборону. На конец октября было намечено проведение третьего наступления с Букринского плацдарма, но оно было отменено.

В полдень 22 или 23 октября на Букринский плацдарм, на котором я находился вместе с генералом П. С. Рыбалко, приехал генерал армии Н. Ф. Ватутин. Не успели мы доложить командующему обстановку, как его позвали к аппарату ВЧ. Вызывал Верховный Главнокомандующий. Ватутин доложил обстановку на фронте и изложил свое решение о наступлении. Выслушав его, Верховный Главнокомандующий предложил продумать вопрос рокировки 3-й гвардейской танковой армии, а также частей усиления 40-й армии на Лютежский плацдарм, после чего ударом с этого плацдарма овладеть Киевом... Все это надо проделать скрытно. Вывести с Букринского плацдарма необходимые подвижные войска и средства усиления 40-й армии под покровом ночи. А 40-й и 27-й армиям продолжать демонстрацию наступления с прежнего направления. Словом, врага надо обмануть.

Мысленно я удивился: ни одному из нас, командармов, ни командованию фронтом не пришла в голову мысль о рокировке ударной группировки фронта на Лютежский плацдарм к северу от Киева.

Необходимость нового решения вызывалась и тем, что в результате боевых действий в октябре на Букринском плацдарме наиболее сильная группировка противника была сосредоточена южнее Киева, то есть против 3-й танковой, 40-й и 27-й армий.

20 октября наш Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. 24 октября была получена директива Ставки ВГК о перегруппировке войск на Лютежский плацдарм. В связи с этим были произведены некоторые перемещения командного и начальствующего состава. Я сдал 40-ю армию генерал-лейтенанту Ф. Ф. Жмаченко, а сам принял 38-ю армию, в которую вместе со мной перешел член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев.

План Киевской наступательной операции заключался в следующем.

38-я армия наносит удар с Лютежского плацдарма в южном направлении в обход города с запада.

3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко и 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова предполагалось ввести в прорыв в полосе 38-й армии с задачей наступать в направлении Фастова, Белой Церкви, Гребенки. 60-я армия генерала И. Д. Черняховского наступлением на юг обеспечивала справа действия 38-й армии в районе Киева.

40-я и 27-я армии наступлением с Букринского плацдарма на Белую Церковь должны были сковать и ввести в заблуждение вражеские силы. Они начинали свои действия за двое суток до наступления ударной группировки фронта.

Наземные войска с воздуха поддерживались 2-й воздушной армией генерала С. А. Красовского.

К началу активных действий на Лютежском плацдарме были сосредоточены 38-я и 3-я гвардейская танковая армии.

38-я армия имела четыре стрелковых корпуса, а также один танковый и один артиллерийский корпуса. В составе армии была 1-я отдельная Чехословацкая бригада. Всего здесь было сосредоточено свыше 2 тысяч орудий и минометов, а также 500 реактивных установок. На участке прорыва мы имели превосходство в пехоте в 3 раза, в артиллерии — в 4,5 раза, в танках — в 9 раз.

25 октября началась перегруппировка. Необходимо было перебросить войска с Букринского плацдарма на левый берег Днепра, совершить марш в 150—200 километров и снова переправиться через Десну и Днепр на Лютежский плацдарм. Все передвижения требовалось произвести в ночное время при соблюдении тщательной маскировки. Для этого на Букринском плацдарме были оставлены радиостанции, которые продолжали свою обычную работу, дезинформируя вражеские штабы. Вместо танков и орудий установили макеты. На Лютежском плацдарме, где сосредоточивались войска, также соблюдалась строгая маскировка. Дожди и туманы способствовали сохранению скрытности передвижения войск.

Фашисты проглядели нашу перегруппировку. Они ожидали по-прежнему, что главный удар будет нанесен с Букринского плацдарма.

Первого ноября в штаб армии были собраны командиры корпусов, дивизий, бригад, в том числе и командир 1-й отдельной Чехословацкой бригады полковник Л. Свобода. Совещанием руководил командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин.

Присутствовали первый заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков, заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко, начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. П. Иванов, а также члены Военных советов фронта и армии. Позже прибыл генерал П. С. Рыбалко. Я доложил план проведения операции, который несколько отличался от первоначального. В целях надежного подавления противника мною было предложено сократить участок прорыва на 7—8 километров. Маршал Г. К. Жуков выразил беспокойство, не прошьет ли противник в этом случае с флангов огнем наши боевые порядки в такой узкой полосе. Но, обменявшись мнением с генералом армии Ватутиным, согласился с моим предложением: столь высокая плотность артиллерии с полной гарантией обеспечивала надежное подавление и уничтожение живой силы и системы огня противника на всю глубину его обороны.

На совещании мы еще раз разыграли на картах весь ход операции, уточнили вопросы взаимодействия и порядок выполнения боевых задач соединениями армий. После этого был отдан приказ о наступлении.

Наблюдательный пункт штаба армии находился метрах в двухстах от противника, западнее села Новые Петровцы, где располагался командный пункт армии. Рядом — командующий фронтом. Несколько правее — генерал П. С. Рыбалко.

Киев сегодня. Фото Н. Козловского.

Накануне наступления всему личному составу был объявлен приказ Военного совета фронта о переходе в решительное наступление и штурме Киева. Простые, отеческие слова о великой чести освободить столицу Украины, выпавшей на долю нашего фронта, сыграли большую роль в подъеме боевого духа войск. Краткие митинги, прошедшие в частях и подразделениях, еще выше подняли наступательный дух личного состава. У всех на устах были слова: «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября».

В 8 часов 3 ноября открыли огонь артиллерия и минометы ударной группировки фронта. 40 минут гремел огневой ураган. Когда пехота, поддержанная танками, поднялась в атаку, она встретила только отдельные очаги сопротивления через 2 километра. Первые позиции противника были буквально сметены. Траншеи, ходы сообщения, огневые позиции, дзоты и доты разрушены. К исходу дня вражеская оборона в полосе 38-й армии была прорвана на глубину до 7 километров. Успешно действовала и 60-я армия генерала Черняховского.

На следующий день в прорыв вошли танки генерала Рыбалко. В середине дня танковые корпуса обогнали пехоту и продвинулись вперед на 8 километров. Обойдя Киев с запада, танковая армия Рыбалко к утру 5 ноября вышла в район Святошина и перерезала шоссе Киев — Житомир.

В этот же день для развития успеха заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко организовал ввод в прорыв 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. К. Баранова. В свою очередь, я ввел в прорыв второй эшелон армии — 23-й стрелковый корпус генерала Н. Е. Чувакова. Оба корпуса развернулись на правом фланге армии.

Отважно и дерзко действовали воины всех родов войск. Многие солдаты, сержанты и офицеры в первых же боях показали образцы смелости и беззаветной преданности Родине. Каждый стремился выполнить приказ и принять участие в освобождении Киева.

В течение 5 ноября войска упорно и стремительно продвигались к городу или обходили его с запада и юго-запада. 50-й корпус С. С. Мартиросяна вместе с танкистами П. С. Рыбалко, перерезав пути отхода противника на запад, вел бои на железной дороге Киев — Фастов. 167-я стрелковая дивизия под командованием генерала И. И. Мельникова ворвалась на западную окраину города в районе кинофабрики. 51-й стрелковый корпус генерала П. П. Авдеенко продвигался в северной части города. Части 1-й отдельной Чехословацкой бригады вели бои за вокзал и 5 ноября овладели им. Первым в центр города ворвался с группой разведчиков гвардии старшина Никифор Шолуденко. Он поднялся на крышу здания Киевского обкома партии и водрузил на нем победное знамя. Но тут вражеская пуля сразила разведчика. За этот подвиг Никифор Никитович Шолуденко был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Его могила находится в Киеве, на площади Калинина.

К 4 часам 6 ноября очистили город. Приказ Родины был выполнен. Об этом донес Верховному Главнокомандующему его первый заместитель Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Весть об освобождении Киева быстро облетела всю нашу страну и вызвала огромное воодушевление воинов на всех фронтах.

Столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Такой мощный салют был произведен впервые. 14 стрелковым, 6 авиационным, 2 артиллерийским, одной минометной дивизиям и многим другим частям, особо отличившимся в боях за город, было присвоено почетное наименование — Киевских. Многие части и соединения были награждены орденами. Среди них — 1-я отдельная Чехословацкая бригада, награжденная орденом Суворова II степени. День 6 ноября был радостным для всего советского народа и, конечно, особенно радостным для киевлян, освобожденных от фашистского рабства.

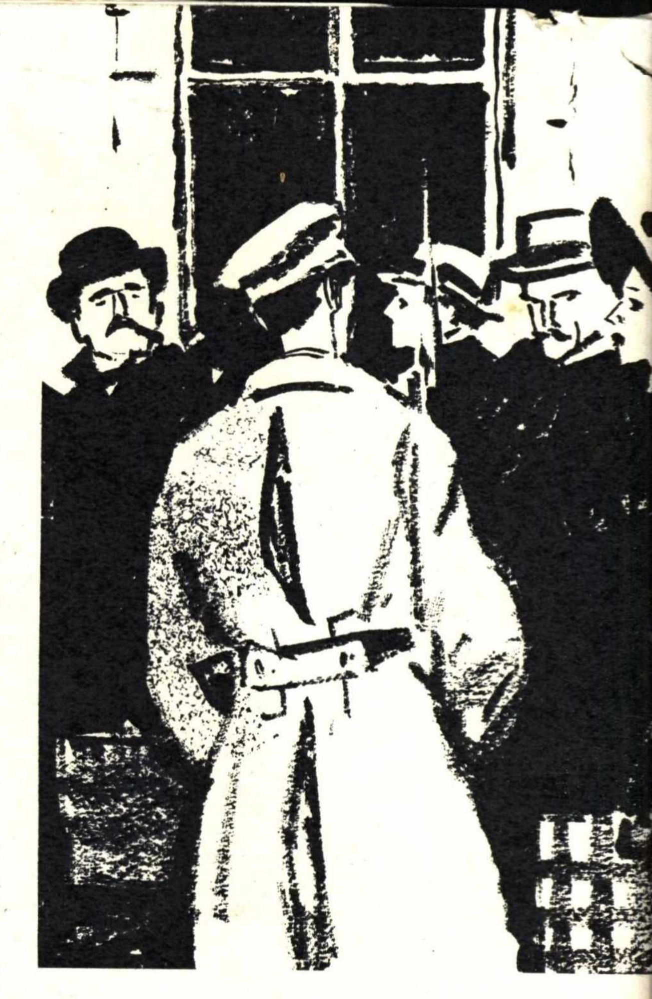
Все уцелевшие жители города высыпали на улицы, плакали от счастья, обнимали солдат и офицеров.

Освободив Киев, войска фронта продолжали стремительное наступление. Небольшой тактический плацдарм под Лютежем был превращен в стратегический размерами 230 километров по фронту и 150 километров в глубину. Мы шли дальше, на запад, освобождать Правобережную Украину, все еще томившуюся в фашистской неволе, шли освобождать народы сопредельных стран, шли к границам фашистского рейха...

Юрий ДОБРЯКОВ

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ИГРА

1

Март — месяц грачей. Они появляются внезапно, будто по команде, и тотчас старый барский парк на осановском холме, обычно тихий, забытый богом и людьми, наполняется гортанным клекотом, шершавым шорохом крыльев, деловитой возней в кронах столетних лип. Уже на другой день рыхлый ноздреватый снег во всех направлениях прошит суровыми нитками птичьих следов.

Первым перемену замечает сторож Акундинов. Он выползает из своего флигелька чуть свет, а так как ночи уже пошли на убыль, развидняется рано, то и холм, прореженный насквозь жидким зябким рассветом, весь как на ладони. Акундинов одобрительно созерцает гостей и бредет на кухню: скоро с ночного дежурства явится Николай. Больше никаких дел у Акундинова нет, сторожить ему нечего и некого, усадьба заколочена; дворянское семейство, обитавшее в ней, как в воду кануло, едва только прошлой осенью докатилась из Петрограда весть о победе новой власти.

Акундинов ставит на таганок картошку, проросшую, сладко пахнущую гнильцой, разглядывает на свет полуштоф, где на донышке желтеет сгусток конопляной выжимки, — нынче и это великая роскошь, в городе очереди за мякинным хлебом, а масла, знаменитого вологодского масла, с тучной коровкой на обертке полуфунтовой пачки, давно нет и в помине. Впрочем, Акундинов и не ходит в город: там хоть и поутихло после тревожных октябрьских дней, но все же нет-нет да и шлепают в переулках шальные выстрелы. Остерегается он и «попрыгунчиков»: взять с него, само собой, нечего, а ошалеть можно до смерти, если из темноты вдруг выпрыгнет эдакий чертище на пружинных ходулях.

Николай чего-то опаздывает, и Акундинов все беспокойнее поглядывает на стенные ходики. От железнодорожной станции, где сын работает осмотрщиком вагонов, путь немалый, и хоть парень у него не робкого десятка, а все же мало ли что может случиться в нынешние ненадежные времена. Правда, Николай на рожон не лезет, не митингует, но в последние дни задерживается в депо все чаще.

Накрыв чугунок, чтобы не упустить пар, Акундинов выглядывает в окошко, но видит не Николая, а незнакомого человека в рыжей кожанке, в кавалерийских пузырчатых штанах, медленно взбирающегося по скату холма. Дойдя до круглой беседки, откуда хороший обзор всей местности, он останавливается, кричит кому-то вниз, показывая на флигелек, и тотчас над ним шумно вспархивают грачи.

Старик выходит навстречу:

— Ищешь кого, что ли? Чего тебе?

— Это ты здешний комендант? Акундинов твоя фамилия? — сиплым баском спрашивает незнакомец.

— Сторож я, какой, к лешему, комендант! Вороньи гнезда сторожу, — невесело усмехается Акундинов.

Пришелец критически оглядывает с головы до пят тощую фигуру старика.

— Не больно-то ты раздобрел на барских харчах, комендант. Ключи у тебя с собой? Показывай-ко господские хоромы, да поживей, меня лошадь внизу ждет. Не сомневайся, из губсовета я, с мандатом.

— А мне што. Не мое, чай.

Усадьба запущена, в комнатах нежилой дух, штофные обои обмякли, свисают лохмотьями, на мягких креслах седая изморозь. Фамильные портреты по стенам скособочились, отчего генералы и духовные лица смотрят с кривой ухмылкой. Приезжий щелкает пальцем по золоченому багету, озорно подмигивает:

— Этих на растопку, покрасовались, хватит. А печи надо протопить, комендант, дровишек я тебе подброшу. Денька через два пришлю мебельщиков, обойщиков, маляров, в общем, кого надобно.

— Новые владельцы, значит? Кто такие?

— Скоро узнаешь. А пока о нашем разговоре помалкивай. Да печи протопи.

Приезжий все дотошно осматривает, заносит что-то в тетрадку. Удивленно останавливается возле фисгармонии, трогает ножные педали-меха: видимо, такую диковинку видит впервые. Уважительно оглядывает шкафы с кожаными корешками старинных книг за стеклом.

У выхода оборачивается к Акундинову:

— Будешь состоять в прежней должности. Жалованье тебе положим, паек. Ежели что — спросишь в губсовете Бабкина, меня то есть. А пока будь здрав...

Старик возвращается к себе. Николай отмывает под рукомойником перепачканные в мазуте руки. Акундинов с тоской смотрит на его худую, жилистую шею, на сутулые плечи: совсем отощал парень, в чем только душа!

— Где бродишь, батя? — косится Николай. — Достань-ко у меня из сумки, селедку сегодня давали.

— А у нас гости, — кивает на окно Акундинов. — Чуешь, как гомонят?

Сын снимает чугунок, достает, не обжигаясь, горячие картофелины.

— Эти гости безвредные, батя, званые, — хмуро отзывается он. — А то сегодня к нам другие пожаловали, так их вроде никто и не звал. Незваные, батя, оттого и я задержался...

Часа два назад, когда Николай складывал в ящик инструмент, отработав смену, от дежурного по станции поступило распоряжение всем путевым рабочим оставаться на местах, ждать поезд особого назначения. Осмотрщикам вагонов и смазчикам был указан запасной путь в тупике возле кладбища, на который и должен прибыть состав. Все подходы к нему оцепили стрелки из железнодорожной охраны. Вокзальный зал очистили от мешочников, беспризорников и воровской кодлы.

Хотя станция была крупным узлом — отсюда шли пути на Москву и Питер, на Беломорье и в Сибирь, — хотя через нее и проходили сверхважные грузовые и воинские эшелоны, меры на этот раз принимались необычные. Даже на улицах, прилегающих к вокзалу, стояли красногвардейские патрули. И никто, даже сам дежурный, не знал, кого принимает сегодня Вологда.

Николай со смазчиком Евлампиевым пришли в тупик, когда поезд уже подходил. Мимо них катились, мягко покачиваясь на пневматических рессорах, красные международные вагоны с опущенными шторками на окнах, громыхали на стыках открытые платформы, наглухо зачехленные брезентом, пропылил хвостовой багажный вагон со свинцовыми пломбами. К поезду тотчас устремились встречающие, штатские и военные, поднялась суматоха, но из вагонов никто не показывался. Казалось, весь состав пришел порожним.

Но вот в тамбуре международного вагона появился седоусый бледный человек в темной накидке, перехваченной у шеи медной застежкой в виде двух львят, в котелке, с тростью с костяным набалдашником. И следом, словно они только и ждали появления седоусого, из всех вагонов посыпались военные во френчах и крагах, дамы в широкополых шляпах, прыткие молодые люди в узких сюртучках. С платформ начали сдирать брезент; под ним оказались вытянутые, как гончие псы, черные лимузины.

— Гляди-ка, никак к нам вся мировая буржуазия! — ахнул Евлампиев.

— Помолчи! — прикрикнул Николай.

Их оттерли в самый хвост состава. Прибывшие сквозь цепь стрелков прошли в вокзал.

А через час, несмотря на строжайшую секретность, уже весь город знал, что в тишайшую заштатную Вологду прибыли послы союзнических держав со всем своим скарбом, с многочисленной свитой — секретарями и советниками, шифровальщиками и священниками, экономками, переводчиками и поварами. Да и мудрено было бы не знать этого, если через весь город на Дворянскую улицу, где были приготовлены особняки для дипломатов, потянулись ломовые извозчики с посольскими сундуками, перевязанными ремнями из желтой кожи, с зашитыми в рогожу дорогими коврами, с ящиками, где позванивали серебро и хрусталь. Как было не заметить невиданные в здешних местах лакированные автомобили с сине-бело-красными, белыми с солнцем посредине, звездно-полосатыми и иными флажками над радиаторами машин.

Тупик у кладбища опустел. Там осталась лишь поездная прислуга.

— Пошто они сюда? В Питере-то, чай, вольготнее? — в недоумении сказал Акундинов, выслушав рассказ сына.

Насытившись, Николай лежал в отцовском закутке, устало вытянув ноги. Скуластое лицо его с темными крапинками въевшейся угольной пыли ничего не выражало.

— Может, от германцев бегут? Германцы-то, бают, под самым Питером? — раздумывал вслух старик.

— Шел бы ты, батя, — досадливо пошевелился Николай. — Приехали — значит, расчет есть. У них без этого ничего не бывает. А немцы — они Петрограда не возьмут. Кишка тонка. Да и Ленин с ними в Бресте мир заключил... Живешь ты, батя, как одичалый, право слово, совестно.

— Ты больно учен! — рассердился старик и вдруг так и подскочил: — Ох мне, а не затем ли Бабкин-то приезжал? Может, это для них... дровишки-то? Может, хозяева-то новые...

Акундинов испуганно смолк на полуслове, вспомнив наказ человека в кавалерийских штанах. Но сын уже ничего не слышал. Он спал, широко раскинув мосластые руки.

2

Догадка сторожа осановской усадьбы оказалась верной. После того, как господский дом подновили, отскребли от грязи и обста-

В ГОРОДКИ

вили мебелью, в нем появились новые хозяева. Правда, они не жили постоянно, а лишь наезжали в погожие дни, но наезды эти были многолюдными, шумными, с вином и граммофонной музыкой, с танцами на лужайке возле круглой беседки.

Бабкин сдержал слово. Акундинову определили жалованье, выдали паек, приставили двух местных солдаток, следивших в усадьбе за чистотой. Да и с хозяйского стола кое-что перепадало, так что жизнь стала много сытнее.

И все же на душе у Акундинова было неспокойно. Чем дальше, тем больше стал он замечать, что шумные сборища на холме — это так, вроде для отвода глаз, а в действительности в усадьбе происходит что-то другое — тайное и нехорошее. Пока молодые люди в сюртучках и хорошенькие барышни в кружевных кофточках бойко подпрыгивали в новомодном танце шимми, важные господа с толстыми перстнями на пальцах, в белоснежных сорочках под черными визитками уединялись то по двое, то по трое либо в доме, либо в тенистых аллеях, где вели долгие неторопливые беседы. Иной раз, когда гости разъезжались, кое-кто оставался ночевать, и тогда из окон барского дома долго неслись протяжные, чуть хрипловатые, рыдающие звуки фисгармонии; Акундинов знал, что играет их священник — ксендз в длинной шелковой рясе-сутане.

Приглядевшись, старик определил, что главным среди чужеземцев был, очевидно, тот самый господин с седыми усами и бледным лицом, которого мельком увидел в тамбуре вагона Николай. К нему обращались с особой почтительностью. Чаще всего с ним уединенно беседовали низенький розовощекий толстячок с круглым брюшком-репкой и выхоленный моложавый мужчина с офицерской выправкой. Позднее Акундинов узнал, что первый был Френсис — американский посол, второй — французский посол Нуланс, а третий — англичанин Локкарт.

О чем они говорили, Акундинов не знал, если бы и слышал: не понял чужой язык. Однако тревога его все возрастала, особенно после того, как на встречах в Осанове стали все чаще появляться незнакомцы в явно русской партикулярной одежке. Приходили они всегда поздно вечером, удалялись во внутренние покои и столь же внезапно исчезали.

Сомнения свои Акундинов держал при себе, полагая, что незачем очертя голову встревать в чужие дела, поскольку еще неизвестно, как они обернутся. Несколько раз подмывало его открыться Бабкину, но опасения не столько за себя, сколько за сына неизменно брали верх.

Однажды, приехав чем-то озабоченный, Бабкин сам спросил о Николае. Тот отдыхал после дежурства, но Бабкин велел его разбудить.

— Ты когда-нибудь играл в городки? — спросил Бабкин, когда Николай явился, злой и заспанный.

— В городки? — удивился Николай и озлился еще пуще: — Тебе чего — делать нечего?

— Правила знаешь? Какие фигуры, сколько, в каком порядке?

— Да ты что? Чего озоруешь? До городков ли нынче...

— Надо, парень, — строго произнес Бабкин и испытующе посмотрел на Николая. — Надо, чтобы ты обучил иностранцев играть в городки. Тут, видишь ли, такая история: американцы где-то увидели, как наша ребятня занимается этим делом. Им понравилось. Говорят, занятнее наших кеглей, хотим перенять и мы. Ну, а мы, — подчеркнул Бабкин и хитро прищурился, — гостям, само собой, ни в чем отказать не можем. Уже площадку расчистили. Вот тебе и поручено учить их этой премудрости, поскольку известно, что парень ты не только свойский, наш, а и искусный... городошник. Лады? Проводи-ко меня до дороги.

Они ушли. Из окна Акундинов проследил, как Бабкин, обняв Николая за плечи, что-то ему доверительно втолковывал, а тот только слушал да изредка кивал головой. Не иначе, как Бабкин чего-то не досказал при разговоре втроем, остерегся его, Акундинова, да и городки тут для одной видимости: игра идет другая, вовсе не потешная.

На этот раз Акундинов усомнился, умно ли он поступает, не высказывая своих сомнений Бабкину. Тот, видать, многое знает, имеет у новой власти вес. Мало ли в какую оказию может завлечь он Николая, тем более что из города приходят вести одна тревожнее другой.

И впервые после долгой добровольной отсидки в своем флигельке сторож осановской усадьбы решил наведаться в город, разузнать, что там и как.

Летом восемнадцатого года в Вологде стояла небывалая по здешним местам жара, длительное затишье без дождей и гроз. Улицы пропахли лошадиной мочой, листья побурели и скоробились, речка Золотуха вовсе обмелела, обнажив илистое зловонное дно. Днем в поисках хоть какого пропитания обыватели еще выползали из своих деревянных нор, зато с наступлением темноты наглухо закрывались все ворота, задвигались все запоры, гасились все огни; город казался вымершим.

Но еще сильнее, чем духота и голодуха, томила обывателей неизвестность. Хотя Совет рабочих и солдатских депутатов изгнал наконец из своего состава соглашателей и предателей революции, город еще кишмя кишел меньшевиками, кадетами и эсерами, шептавшимися за каждым углом о скором падении большевиков. С юга и востока проникали переодетые офицеры, на тайных явках плелись нити заговора. Саботаж и спекуляция, диверсии и шпионаж — вот чем лихорадило северный город.

Обстановка особенно осложнилась, когда в город прибыли иностранные послы. Они явно искали связей с контрреволюционным подпольем. На официальные дипломатические приемы в ресторане «Золотой якорь» открыто приглашались бывшие городские главари и лидеры оппозиционных партий. За опущенными шторами особняков на Дворянской до поздней ночи светились люстры.

В эти дни не знали ни часа передышки чекисты и красногвардейские патрули. Они несли круглосуточную службу на улицах, на вокзале, почте и телефонной станции, вылавливали белогвардейцев, налетчиков и спекулянтов, формировали на фабриках отряды рабочей самообороны. Но напряжение не ослабевало. А тут еще подоспело известие, что американские, английские и французские корабли высадили десант в Мурманске и, по всей видимости, собираются захватить Архангельск. Да и в Сибири все шире разгорался чехословацкий мятеж, нацеленный на центр России.

Город часто горел. На пожарной каланче возле Соборной горки почти никогда не опускались три красных шара — это значило, что полыхало за рекой Вологдой, где находились мельницы и хлебные амбары. Красного петуха подпускали невидимые руки одновременно в разных концах заречного района.

Акундинов подошел к мосту как раз в тот момент, когда мимо него бешено на сивых битюгах прогрохотал пожарный обоз. На брандмайорской повозке пожарник в прокопченной медной каске неистово бил в колокол, прохожие испуганно шарахались в стороны. Акундинов взглянул на противоположный берег и перекрестился: там горел целый квартал, в огне и дыму суматошно метались женщины.

Старик перешел шаткий мостик через Золотуху и с минуту не без удовольствия понаблюдал, как возле электростанции мобилизованные буржуи, стоя по пояс в воде, баграми вылавливали молевую древесину. Среди них приметил он и кое-кого из тех, кто не раз бражничал у бывшего владельца осановской усадьбы. Свернув на Каменный мост, где размещались главные магазины — мясные и живорыбные, колониальные товары и москательные,— он обнаружил, что все они на крепких замках. Акундинов хотел было пройти на базар, где всегда можно было услышать последние новости, но оттуда рысцой бежали мешочники: начиналась, видимо, облава.

Ничего больше не оставалось, как отправиться к Никифору, хотя захаживал он к младшему брату лишь по крайней нужде.

Между братьями давно существовала не столько вражда, сколько взаимная неприязнь. Никифор был алчен, толстокож и жестокосерд, хотя и скрывал это под благопристойной, богобоязненной личиной. От отца унаследовал он бондарное ремесло, но вскоре занятие это бросил, посчитав маловыгодным, пошел половым в трактир, где и проявил незаурядные способности. Постепенно поднимаясь по иерархической лестнице ресторанного преуспеяния, стал он чуть ли не главным официантом города, обслуживая богатых лесопромышленников и хлебных перекупщиков, восседших, как выражались горожане, в великий загул. В последнее время Никифор был не у дел, рестораций позакрывались, но Акундинов знал, что брат отнюдь не бедствует, припрятав немалые сбережения на черный день, причем не в ассигнациях и ценных бумагах, которые теперь ничего не стоили, а в звонкой монете.

Никифор жил в собственном домике на задах особняка покойного поэта Константина Батюшкова. В летней полотняной паре, гладко причесанный на прямой пробор, он пил на веранде чай, поддерживая блюдце цепкой волосатой пятерней. За самоваром сидела моложавая бабенка с цыганскими серьгами, вся в розовом ситце, с ямочками на щеках,— очередная домоправительница, как догадался Акундинов. Заметив быстрый взгляд хозяина, она тотчас встала, поклонилась и ушла в комнаты.

— Забыл брата-то, вовсе запамятовал, нешто мы чужие,— елейно выговаривал Никифор, наливая гостю чай.— Не обессудь, больше угощать нечем, да и чаек, вишь ты, без рафинаду пьем теперь, как, прости господи, япошки, исключительно вприглядку. Трудные нынче времена, ох, трудные!

Акундинов усмехнулся:

— Ух, куда хуже! Смотрел я сейчас, как твои благодетели дровишки из реки ботают, каково-то их белым ручкам!

Из-под нависших бровей брата недобро сверкнули круглые рачьи глазки, но голос не изменился:

— Это им господь за многие прегрешения, потому как жили неправедно. Мне отмщение, аз воздам. А у тебя, слыхал я, новые хозяева? Не обижают?

— Да ведь и ты вроде около них? При «Якоре» состоишь?

Никифор с такой злостью отодвинул стакан, что из него выплеснуло на скатерть.

— Птица знатная, а летает невысоко. Наши-то раньше как? Стерляжья ушица, осетры пудовые, шампанея — хоть залейся. Опять же цыганки из Питера, арфистки с Нижнего, прямо с ярмарки, акробатки в одних трико, по-нашему как в кальсонах. Не только рубли не считали, катеринки запросто за лифчик. А нынче иностранные-то эти? Форсу, это верно, преизрядно, а в сумме — один пшик. Стругаешь им, веришь, ай нет, ломтики чуть потолще блина, сверху чуть икоркой помажешь — и вся закуска. А пьют по новой моде, как наши мастеровые в подворотне, исключительно в стоячем виде.

— Стоя?

— Стоя,— с отвращением подтвердил Никифор.

— Вишь ты! — озабоченно покачал головой Акундинов.— А может, им и впрямь засиживаться-то никак невозможно? Может, потому и стояком, чтобы не замешкаться, ежели, к примеру, случится вдруг... в бега? Примечаю я, чего-то много возле твоих знатных птиц мелкого воронья кружит.

Если бы Акундинов заметил взгляд, брошенный на него искоса Никифором, ему наверняка стало бы не по себе. Но тот быстро спрятал глазки, не без язвительности осведомился:

— Может, ты в большевички записался, дорогой братец?

Но Акундинов уже встал, поблагодарил за угощение, взялся за картуз. Того, что он увидел в городе, что уловил в яростной растерянности брата, было для него вполне достаточно.

3

С этого дня осановский комендант стал проявлять особый интерес к игре в городки. Как только приезжала посольская молодежь и на площадке возле деревянной ротонды начинались веселые баталии, старик тотчас появлялся около играющих, следил за каждым ударом, даже иногда подавал советы. Впрочем, нужды в этом не было, Николай отлично справлялся со своими обязанностями инструктора.

Переводчиком был француз Мишель. В своем посольстве он состоял в какой-то незначительной должности, но в компании был незаменим — остроумен, находчив, доброжелателен. Каждое пояснение Николая Мишель сопровождал собственными комментариями, вызывавшими дружный смех игроков.

А тем незатейливая забава действительно пришлась по вкусу. После многочасового корпения над конфиденциальными бумагами, над секретными шифрами и депешами, после беспокойной, выхолащивающей всякие чувства возни над запутанными «русскими делами», на которых многим из них было ровным счетом наплевать, они радовались любой возможности вырваться на свежий воздух, проветриться, поразмяться. Где-то в дипломатических верхах велась другая, вовсе не забавная, а суровая и ожесточенная игра с подкупами, шантажом, шпионажем и где-то расставлялись главные фигуры для очередных сложных и зловещих политических маневров, а они, их мелкие исполнители, подчас даже не ведающие, какая роль им отводится в этой игре, с увлечением громили окованной железом битой городошные крепости, «гоняли монаха», «преследовали змейку», «ходили на прием к бабушке», «заглядывали в колодец» или «распечатывали письмо». И чем оживленнее становилось на площадке, тем искуснее переводчик Мишель изображал в «монахе» посольского священника, игравшего на фисгармонии, или, кивая в сторону «бабушки», намекал на молодящуюся супругу одного из послов.

Около игроков всегда толпились любопытные, заключались пари, слышалась разноязычная речь. В ротонде кокетливая официантка в русском кокошнике разливала прохладительные напитки. Звучали из граммофонной трубы цыганские напевы Вари Паниной.

А Мишель выкрикивал:

— Ставим «свечу». Месье, ваш ход!

Тем временем из города доходили все более тревожные вести. Военные суда интервентов рыскали в Баренцевом и Белом морях. Что-то назревало в Ярославле и Рыбинске. Да и в самой Вологде все чаще по ночам хлопали выстрелы.

Бабкин не показывался. А между тем у Акундинова появилось к нему дело первостепенной важности.

Накануне старик подметал возле ротонды. Гости еще не приехали, за буфетной стойкой перетирала посуду официантка Лелька. Акундинов встречал ее и раньше, она была правой рукой у Никифора на «великих загулах», поэтому в разговор с ней он не вступал. Но на этот раз его насторожил игривый смешок Лельки. Официантка была не одна.

Осторожно раздвинув кусты, Акундинов выглянул. Перегнувшись через стойку, Лельке что-то нашептывал поджарый мужчина в летней светлой паре и канотье, какую носили преуспевающие адвокаты, а Лелька жеманно похохатывала, показывая ровные беличьи зубки. Старик сплюнул, обругав себя за праздное любопытство, и в этот момент Лелькин ухажер обернулся.

Акундинов обомлел. Несмотря на английские усики стрелкой, придававшие лицу приезжего некое легкомысленное выражение, старик сразу опознал знакомые, много раз виденные, жесткие и властные черты поручика Обдорского, дальнего родственника владельцев усадьбы, частенько наезжавшего в Осаново. Да, это был живой Алексей Обдорский, Алексис, как его звали в усадьбе, тот самый «убиенный раб Алексей», панихиду по которому в глубокой печали отслужило год назад осановское семейство.

В усадьбе Алексис был всегда в особом фаворе — и тогда, когда приезжал еще в форме юнкерского училища, и позднее, когда стал быстро продвигаться по военной службе, и тем более когда из Петрограда пришла весть, что состоит он в личной охране Керенского. Своих провинциальных родственников он неизменно покорял бравой гвардейской выправкой, столичным лоском и той врожденной самоуверенностью, какая была свойственна отпрыскам родовитых семей. Тем горше было принято известие, что, бежав вместе с премьером в Гатчину, поручик Обдорский пал смертью храбрых в стычке с взбунтовавшейся солдатней.

И вот на тебе, жив-живехонек! Акундинов отпрянул в кусты. Впрочем, Обдорский вряд ли бы узнал его: он всегда считал ниже своего достоинства замечать усадебную прислугу и лишь однажды наградил подзатыльником Кольку, когда тот невзначай подглядел, как приезжий офицер целовался с одной из осановских барышень.

Выходит, самый что ни на есть оборотень. Но как он воскрес из мертвых? Как попал в Осаново? Где скрывался, где таился до сего дня? А главное — по каким таким делам прибыл?

Невдалеке просигналила машина — приехали иностранцы. Акундинов видел, как Обдорский отшатнулся от Лельки и боковой аллеей пошел к усадьбе. На пути они почти столкнулись с английским эмиссаром, но не поздоровались, даже не взглянули друг на друга. Англичанин проследовал прямо в дом, а минутой спустя туда же с другого хода прошел и Обдорский. Уж кто-кто, а он-то хорошо знал здесь все ходы и выходы!

На площадке слышался смех...

Весь вечер Акундинов промаялся в тоске и тревоге. Прислушиваясь к рыдающим звукам фисгармонии, доносившимся из господ-

С. Дудник. 1917 ГОД.

Н. Соломин. ШТАБ ОКТЯБРЯ.

Ф. Невежин. КОМИССАР.

ского дома, он чувствовал: там происходит что-то темное и чужое, оно может обернуться непоправимой бедой не только для Николая, но и для многих других. Однако что он может сделать, что предпринять? Бабкина нет, Николай, как назло, дежурит.

Сын явился за полночь, когда гости разъехались и в усадьбе погасли огни. Налив в миску щей погуще, Акундинов подождал, пока Николай насытится.

— Чего в городе слышно?

— Да все то же,— устало зевнул тот.— Мутит понемножку контра.

— А у нас старый знакомец объявился. Не примечал?

Николай зорко взглянул на отца:

— Кто такой?

— Видишь ли, парень, давно хотел тебе сказать, да все как-то не ко времени. Нехорошие у нас дела в усадьбе. Упокойники с того света являются, вот какая фантастика. Надобно бы Бабкину доложить, да ведь он и носа не кажет.

Раскуривая самокрутку, Николай спокойно осведомился:

— А где он сейчас?

— Кто? — растерялся старик.

— Да упокойник этот. Заночевал? — Николай придвинулся, сказал вполголоса: — О появлении поручика Обдорского нам известно, батя. И Бабкин знает. Явился он сюда не с добром. Но ты пока об этом никому ни полслова и виду не подавай, что его признал. Не вспугнуть бы, понятно? — Он озорно подмигнул: —Вижу, батя, что и ты начал соображать, что к чему. Молодец, батя.

Поручика Обдорского взяли ночью на квартире у Лельки. Он и не думал сопротивляться, назвался другим именем. Но после очной ставки с Акундиновым сразу сник, назвал единомышленников и тайные явки. Одна из многочисленных групп белогвардейского «Союза возрождения России», готовившая контрреволюционный мятеж в Вологде, была своевременно ликвидирована.

Провалились и другие попытки переворота. Только в Ярославле эсеровскому террористу Савинкову удалось разгромить большевистский Совет, временно захватить город, но и там мятеж был быстро подавлен.

Послы укладывали сундуки и чемоданы. В конце лета они покинули Вологду, выехали в Архангельск, но там их пребывание объявили нежелательным и предложили немедленно покинуть город.

Усадьба в Осанове снова опустела. Николай вступил в коммунистическую роту железнодорожных мастерских и перед отправкой на фронт часто задерживался на учениях. Грачи вывели птенцов, собирались в теплые края. По аллеям, усыпанным опавшей листвой, бродил один Акундинов.

Однажды в полдень перед усадьбой появился старенький, дребезжащий автомобиль. В нем сидели Бабкин и Николай. Не дав старику даже переодеться в чистое, они втиснули его на кожаное сиденье и покатили в город.

В особнячке на бывшем монастырском подворье, где от каменных стен веяло промозглой сыростью, навстречу им поднялся человек в солдатской шинели внакидку, с опрятной бородкой, в очках с железной оправой. Усадил в кресла с высокой резной спинкой, близоруко, из-под очков, поглядел на старика.

— Вот вы какой, товарищ Акундинов. Орел еще, орел! — И заговорил мягко, душевно: — Спасибо за службу, отец. И сыну твоему спасибо. Вы помогли нам потянуть за одну немаловажную нить белого заговора, обезвредить опасного врага. Ведь наш Обдорский был не просто рядовым боевиком, а связным самого Савинкова. За ним зацепились и другие. Тем и сильна, дорогие товарищи, наша Советская власть, что опирается она на таких, как вы. Правильно я говорю, товарищ Акундинов?

— Да ведь как иначе. Нельзя иначе-то,— растерялся старик.

— Вот так-то.— Он перевел взгляд на Николая, весело прищурился.— А игра в городки — хорошая игра. Исконно русская. И никто лучше нас в нее не играет.

Александр Александрович Архангельский — верный соратник и друг А. Н. Туполева. Оба они — ученики Н. Е. Жуковского. Через руки А. А. Архангельского прошли все самолеты, создававшиеся конструкторским коллективом А. Н. Туполева.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии

Когда в 1922 году в московском небе появился одноместный спортивный самолет АНТ-1, едва ли кто мог предположить, что автор его, 34-летний инженер Андрей Николаевич Туполев, создаст целую эпоху в истории советского самолетостроения. С тех пор было спроектировано и построено более 120 типов первоклассных воздушных кораблей — военных и гражданских, небольших, средних и тяжелых. И каждый из них отличался чем-то особенным, неповторимым, и многие из них в момент создания опережали свое время.

Историю нашего воздушного флота сейчас нельзя изучать без А. Н. Туполева. Находясь у истоков советского авиастроения, он создавал такие машины, которые на весь мир прославляли Советский Союз как великую авиационную державу.

А. Н. Туполев оставил большой след и в авиационной науке, создав школу самолетостроения, откуда вышли П. О. Сухой, В. М. Мясищев, В. М. Петляков и другие конструкторы, ставшие впоследствии руководителями самостоятельных творческих коллективов и видными организаторами технического прогресса нашей авиации.

Андрей Николаевич Туполев родился в селе Пустомазово, бывшей Тверской губернии. Отец его был нотариусом.

Отдавая сына в гимназию, родители его вынуждены были подписать «обязательство», где был и такой пункт: «Следить, чтобы огнестрельного оружия в обращении у моего сына не было». Далее шел пункт, сыгравший в жизни гимназиста печальную роль: «Плата за учение вносится вперед пополугодно... Не внесшие платы за учение в назначенные выше сроки считаются выбывшими из заведения...»

Туполев 8 августа 1900 года «по определению педагогического совета Тверской гимназии принят в 1-й класс». Однако уже в сентябре того же года мать его вынуждена была «покорнейше просить отсрочить взнос платы за учение сына моего, ученика 1-го класса Андрея Туполева до первых чисел декабря месяца настоящего года». На прошении — резолюция директора гимназии: «Отказать».

Сохранился документ, где говорится, что отец Андрея, «имея семь человек детей, находится в преклонных летах и болезненном состоянии, терпит крайнюю нужду и бедность и своим трудом не в состоянии содержать семейство, а тем более воспитывать их в учебном заведении».

Несмотря на все трудности, Андрей Николаевич 23 июня 1908 года получил аттестат зрелости.

Еще в гимназии у него проявляется интерес к точным наукам. Он увлекается астрономией, механикой, самостоятельно мастерит приборы, использующиеся для лабораторных работ на уроках физики.

В 1909 году он становится студентом Московского высшего технического училища, где творил и преподавал отец русской авиации Н. Е. Жуковский. Началась новая пора в его жизни. Однако в 1910 году студента Туполева за участие в студенческих волнениях в административном порядке высылают на родину. За ним был установлен негласный надзор.

Окончился срок ссылки, и Андрей Николаевич возвращается в МВТУ, с новыми силами приступает к учебе и увлекается авиацией. Вот как это произошло, по словам А. Н. Туполева:

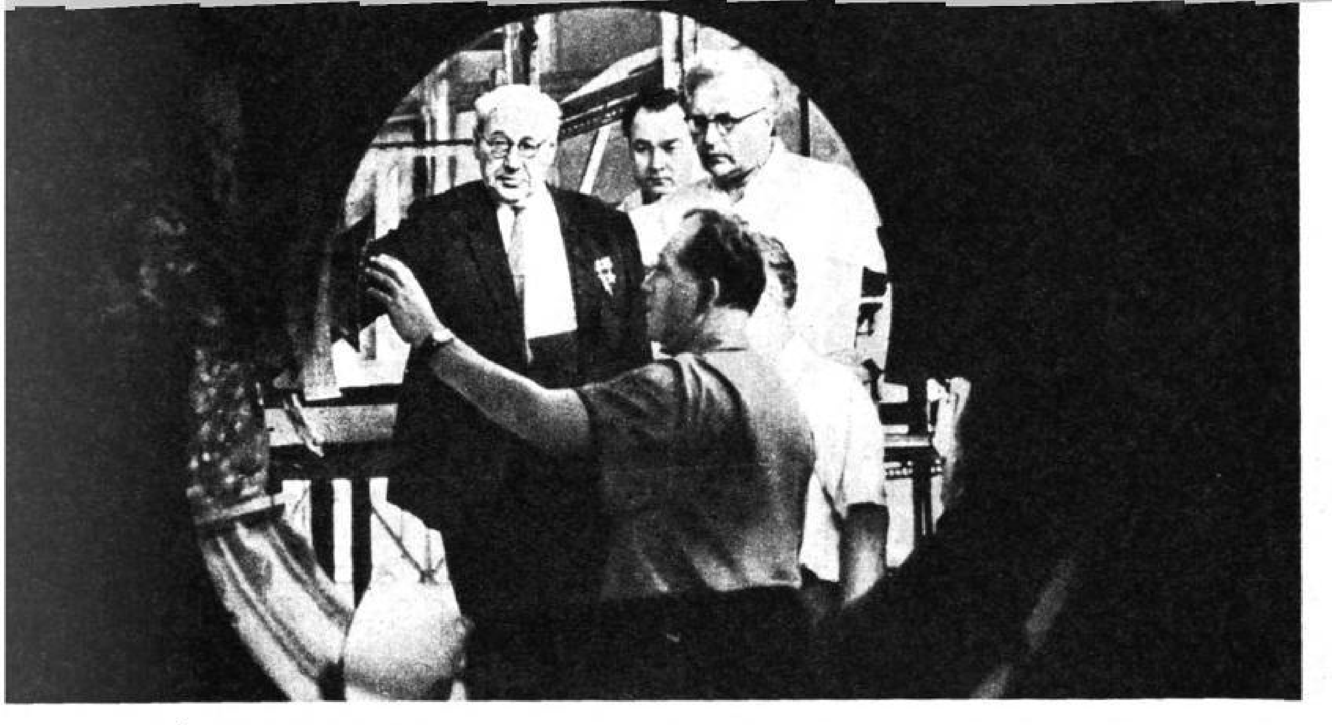
— Случайно я попал на выставку моделей летательных аппаратов, которую устраивал Н. Е. Жуковский. Он попросил меня потянуть за трос планера. Это был мой первый труд в авиации. Я стал заниматься в воздухоплавательном кружке.

Душой всех начинаний кружковцев был Н. Е. Жуковский. Под его руководством студенты проектировали и изготовляли аэродинамические трубы, измерительную аппаратуру, планер, модели самолетов. Создавать летательные аппараты в те годы было нелегко, так как еще не было проверенных опытных данных по прочности фюзеляжа, крыльев и различных узлов, воспринимающих силовые нагрузки. Проектировать приходилось на ощупь, проверяя полученные результаты в полетах и аэродинамических трубах.

Участие в воздухоплавательном кружке определило всю дальнейшую жизнь Андрея Николаевича. Он решил посвятить себя авиации.

Воздухоплавательный кружок явился тем первоначальным звеном, где начали свою авиационную карьеру известные впоследствии конструкторы и ученые: А. Н. Туполев, Б. Н. Юрьев, Г. Х. Сабинин, В. П. Ветчинкин, Б. С. Стечкин и многие другие. Я также был членом этого кружка. Помню, уже в то время проявляется одна из особенностей Андрея Николаевича: упорное стремление все понять, переосмыслить и все изученное воплотить в дела. Это были годы не только теоретической, но и практической учебы.

В 1916 году Жуковский организует при МВТУ Расчетно-испытательное бюро, в котором Туполев возглавляет отдел аэродинамического расчета самолетов.

Рождается самолет...

В 1918 году состоялся первый выпуск отделения МВТУ, выпускавшего специалистов по самолетостроению. В него вошли А. Н. Туполев, Б. С. Стечкин, автор данной статьи и многие другие инженеры, и сейчас успешно работающие в нашей авиационной промышленности.

По решению Советского правительства 1 декабря 1918 года был создан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) во главе с Н. Е. Жуковским.

А. Н. Туполев был назначен заместителем начальника ЦАГИ. В 1922 году при этом институте создается конструкторское бюро по проектированию летательных аппаратов под руководством Туполева.

Так началась научно-конструкторская деятельность Андрея Николаевича. Нужно сказать, что в очень многих чертах его деятельности до сих пор отчетливо проявляется влияние личности и стиля работы Н. Е. Жуковского. Общение с гениальным русским ученым — основателем и руководителем новых направлений в науке и технике — навсегда привило инженеру Туполеву органическое стремление к прочным связям науки и техники, теории и практики. Николай Егорович стремился привить всем ученикам умение видеть саму физическую суть явления за часто сложным математическим обрамлением теоретического решения какой-либо задачи. Этим умением в полной мере обладает Андрей Николаевич, что дает ему возможность глубоко проникать в сложнейшие проблемы авиационного двигателестроения, радиотехнику и в другие области специальных знаний, которые в своей совокупности и составляют современную авиационную науку.

Перед А. Н. Туполевым, помимо чисто исследовательских вопросов, была поставлена также задача практического самолето- и глиссеростроения. Для работ в этой области Андрей Николаевич подобрал себе небольшой коллектив таких же молодых, зараженных авиацией людей, каким был он сам.

Сейчас, вспоминая первые работы в области конструирования, невольно удивляешься той правильной последовательности, осторожности и технической целесообразности, с которой делались первые шаги. В самом деле, в тот период, когда выдвигались зачастую чисто изобретательские и фантастические проекты, Туполев для своего дебюта выбирает маленький спортивный самолет и небольшой экспериментальный глиссер.

При создании этих первых конструкций удалось уже тогда осуществить методы связи научно-исследовательской и лабораторной работы с непосредственной инженерной деятельностью.

В скором времени первенец АНТов поднялся в воздух. Это был деревянный АНТ-1 — родоначальник «семейства Туполевых». За неимением подготовленных рабочих самолет собирали сами конструкторы. Летные испытания также проводил один из них. Весь монтаж шел в доме, где сейчас помещается Музей Н. Е. Жуковского на улице Радио.

При проектировании этого самолета уже тогда Туполев наметил разделение конструкторов по отдельным агрегатам машины. Таким образом возникали зародыши современных конструкторских бригад, которые обеспечили в будущем развитие отечественной конструкторской школы самолетостроения.

По предложению В. И. Ленина, в 1923 году было создано Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). В состав руководства избираются К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, А. Н. Туполев. Перед обществом стояла задача — содействовать самолетостроению, распространять авиационные знания, привлекать молодежь в авиацию. Известно, что одними из первых вступили в общество В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Еще и сейчас хранится расписка в том, что от них в фонд строительства воздушного флота получено шесть червонцев.

Общество друзей воздушного флота собрало средства на постройку эскадрильи «Ленин», которая была передана XIII съезду РКП(б) (1 июня 1924 года). В дальнейшем на средства, собранные населением, было построено несколько эскадрилий самолетов, в том числе «Ультиматум» (в ответ на ультиматум лорда Керзона), «Наш ответ Чемберлену» и др. Во всей этой большой патриотической работе Андрей Николаевич принял самое активное участие.

К этому периоду относится дискуссия: по какому пути должно идти развитие советского самолетостроения? Дело в том, что до 20-х годов древесина была главным конструкционным материалом в самолетостроении. С развитием авиации она становится явно непригодной для этих целей. Однако единого мнения среди ученых не было. Многие авиационные специалисты видели нашу «самобытность» в отрицании легких металлов как основного материала для самолетостроения. «Мы — страна лесная, и самолеты у нас должны быть только деревянные. Алюминия у нас нет, и металлические самолеты для нас — экзотическая роскошь», — говорили они. Однако наше конструкторское бюро во главе с А. Н. Туполевым полностью и безоговорочно не только объявило себя сторонником металла, но с тех пор всю свою деятельность подчинило идее металлического самолетостроения.

После весьма длительных дискуссий победила точка зрения, поддерживаемая А. Н. Туполевым: для создания надежных и простых в эксплуатации машин необходимо переходить к цельнометаллическому самолетостроению. Однако техническая база молодой Советской республики не давала такой возможности.

Для освоения постройки металлических самолетов создается комиссия под руководством А. Н. Туполева. Комиссия разработала детальный план внедрения металла в самолетостроение. Металлический самолет начали строить не сразу. Первые работы были посвящены изучению свойств материала, технологии его обработки, изготовлению из него труб, профилей, гофр и т. д. Затем из металла были построены аэросани и глиссер, и на основе их эксплуатации изучались прочностные и коррозийные качества материала. Только после этого был спроектирован и построен первый в нашей стране металлический самолет АНТ-2. Когда приступили к его строительству, то не оказалось даже подходящего помещения, было использовано пустое здание. В его стене прорубили большое окно, через которое был вынесен АНТ-2.

Так над Москвой появился первый металлический самолет. Это произошло 26 мая 1924 года.

Вслед за АНТ-2 в 1925 году создается первый боевой самолет-разведчик А. Н. Туполева — АНТ-3, или Р-3. Он был полностью изготовлен из металла и принят на вооружение наших Военно-Воздушных Сил.

Успехи советского авиастроения взволновали капиталистический мир. Английский журнал «Аэроплан» писал в 1925 году: «Россия появилась теперь на сцену как держава, обладающая воздушным флотом, считаться с которым необходимо всем государствам цивилизованного Запада».

В 1926 году с 31 августа по 2 сентября на самолете АНТ-3, названном «Пролетарий», летчик М. М. Громов пролетел над Европой, сделав посадки в Кенигсберге, Берлине, Париже, Риме, Вене, Праге, Варшаве. Этот перелет произвел сенсацию в Европе. Чтобы ослабить впечатление, иностранная печать стала распространять слухи, что постройка АНТ-3 — заслуга не только А. Н. Туполева и его коллектива, но и каких-то зарубежных конструкторов, работающих в СССР.

А в августе 1927 года на таком же АНТ-3 под названием «Наш ответ» летчик С. А. Шестаков пролетел по маршруту Москва — Токио — Москва, покрыв 22 тысячи километров за 153 летных часа.

На Первомайском празднике 1929 года москвичи и зарубежные гости познакомились с известным впоследствии самолетом АНТ-9. Он стоял на Красной площади возле храма Василия Блаженного, сверкая металлической гофрированной обшивкой. М. М. Громов на этом самолете под названием «Крылья Советов» появляется над Берлином, Парижем, Римом, Лондоном, Варшавой. Вся советская и мировая пресса была полна восторгов и похвал в адрес конструктора, летчика и самолета.

Вскоре в воздухе появляется АНТ-4 «Страна Советов». На нем осенью 1929 года экипаж С. А. Шестакова совершает перелет из Москвы в Нью-Йорк через Сибирь, Дальний Восток и большую часть Северной Америки. Из

Новый турбореактивный самолет ТУ-154 скоро появится на пассажирских трассах страны.

Генеральный конструктор А. Н. Туполев, заместители Генерального конструктора С. М. Егер, К. В. Минкнер, Л. Л. Кербер, А. А. Архангельский, А. Р. Бонин.

21 242 километров пути 8 тысяч километров пролегало над Тихим океаном. Перелет был сопряжен с большими трудностями. На различных этапах приходилось преодолевать снегопады, штормы, туманы. Несмотря на это, самолет АНТ-4 выдержал испытание.

Американцы не очень верили в благополучное завершение перелета. Приземление самолета в США вызвало бурное проявление симпатий со стороны друзей СССР, даже недруги должны были признать успехи нашего самолетостроения.

Газета «Нью-Йорк таймс» тогда писала: «Россия должна быть признана авиационной нацией. Прибытие в Сиэтл «Страны Советов» из Москвы не может рассматриваться как подвиг, не зависящий от общего развития русской авиации».

Самолет АНТ-4 в военном варианте под маркой ТБ-1 использовался как тяжелый бомбардировщик.

В дальнейшем на базе самолета АНТ-6 был создан тяжелый бомбардировщик ТБ-3. В то время это был самый тяжелый сухопутный самолет. На нем было установлено несколько мировых рекордов, а в 1934 году совершен сенсационный перелет Москва — Киев — Краков — Рим — Вена — Киев — Москва. В 1936 году летчик Юмашев на ТБ-3 установил три мировых рекорда полета на высоту с грузом 5, 10 и 12 тонн. Бомбардировщики ТБ-3 принимали участие в боях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, при освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины.

На этих же самолетах несколько ранее была высажена экспедиция Папанина на Северный полюс.

Важной работой в творчестве А. Н. Туполева явилось создание гидросамолета АНТ-8. Это была цельнометаллическая летающая лодка, которая под маркой МДР-2 использовалась как морской дальний разведчик. На базе его затем был построен крупнейший в мире военный гидросамолет МК-1 («Морской крейсер»).

В создании гражданских самолетов дальнейшим шагом явилась постройка крупнейшего воздушного корабля АНТ-14 («Правда») на 36 человек. Интересно, что после отработки положенного ресурса он использовался в качестве кинотеатра в одном из парков Москвы.

Большую роль в создании авиации сыграл 80-местный воздушный гигант «Максим Горький». Таких самолетов до тех пор не знала история авиации. Толпы народа восхищались восьмимоторным гигантом. Сопровождавшие его истребители подчеркивали грандиозность этой машины. До 1950 года «Максим Горький» был самым большим сухопутным самолетом в мире.

А. Н. Туполев в 30-х годах работал в качестве главного инженера Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома. Он руководит тяжелым самолетостроением, участвует в освоении и производстве тяжелых машин, принимает меры для реконструкции старых и становления новых авиационных заводов.

В 1932 году А. Н. Туполев получил задание правительства — спроектировать и построить специальный самолет для дальних полетов. Наш коллектив создал АНТ-25 (РД), при постройке которого был интересно решен ряд важных технических проблем (убирающееся шасси, размещение топлива и др.). Первый полет этой машины состоялся 22 июня 1933 года, а в сентябре 1934 года М. М. Громов установил мировой рекорд, пролетев 12 411 километров за 75 часов.

В июне 1937 года на этом же самолете экипаж В. П. Чкалова совершил триумфальный полет в США через Северный полюс, пролетев 8 504 километра. Вскоре экипаж М. М. Громова перелетел через Северный полюс в США, покрыв расстояние 10 148 километров.

Одной из важных работ конструкторского коллектива А. Н. Туполева явилось создание скоростного бомбардировщика СБ.

В период Великой Отечественной войны конструкторский коллектив Туполева создает ряд средних и тяжелых бомбардировщиков, успешно поддерживавших наступление наших сухопутных армий. А ТБ-7 был первым высотным скоростным бомбардировщиком дальнего действия, предопределившим пути развития этого класса боевых самолетов на много лет вперед. Он успешно применялся для бомбардировки Берлина с далеких баз.

А. Н. Туполеву 80 лет. Фото Е. Умнова.

Большую роль в Великой Отечественной войне сыграл пикирующий бомбардировщик ТУ-2. Он обладал скоростью, близкой к скорости истребителя, и имел значительную дальность полета.

В военный и послевоенный периоды наши ВВС пополнились бомбардировщиком дальнего действия ТУ-4. Это была последняя машина А. Н. Туполева с поршневыми двигателями. Затем была создана целая серия реактивных воздушных лайнеров для пассажирских перевозок. Первым из них был прославленный ТУ-104, появившийся над Москвой в 1955 году во время праздника воздушного флота. Не уступают ему по славе ТУ-114, ТУ-124, ТУ-134. За создание ТУ-104 и ТУ-114 Туполев удостоен в 1959 году в Париже на Всемирной выставке Большой золотой медали, а за ТУ-114 — высшей награды «Гран-При» на выставке в Брюсселе.

Вскоре на воздушных трассах страны появятся ТУ-154 и ТУ-144, имеющий скорость 2 500 километров в час, то есть расстояние от Москвы до Хабаровска он будет покрывать втрое быстрее, чем ТУ-114.

10 ноября 1968 года Генеральному конструктору самолетов, дважды Герою Социалистического Труда, академику А. Н. Туполеву исполняется 80 лет. Но он полон творческих замыслов. Несмотря на возраст, он и сейчас продолжает плодотворно работать.

Как-то академик Б. С. Стечкин сказал: «Если мне надо представить себе образ крупнейшего ученого, то это понятие ассоциируется у меня с именем профессора Н. Е. Жуковского. Образ же крупнейшего инженера воплощается в Андрее Николаевиче Туполеве».

С этим нельзя не согласиться.

Художественный общедоступный

Б. В. ПОКАРЖЕВСКИЙ,
секретарь Свердловского
РК КПСС г. Москвы

Фото А. Гладштейна.

«Кремлевские куранты». Ленин — Б. Смирнов, Забелин — Б. Ливанов.

«Бронепоезд 14-69». Сцена из спектакля.

«Враги». Сцена из спектакля.

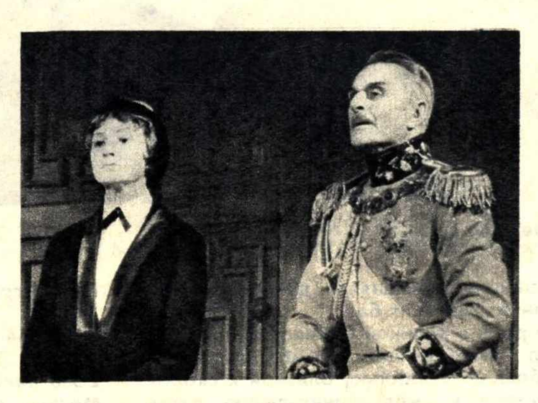
«Москва, обладающая миллионным населением, из которого огромнейший процент состоит из людей рабочего класса, более, чем какой-нибудь из других городов, нуждается в общедоступных театрах». Так писал в 1898 году в своем докладе в Московскую городскую думу известный драматург В. И. Немирович-Данченко, задумавший вместе с К. С. Станиславским создать в России театр, который своим искусством будет служить самым широким, демократическим кругам зрителей.

Но в субсидии основателям театра было отказано. Они вынуждены были искать богатых пайщиков. Не увенчалась успехом и попытка устраивать специальные утренники для рабочих. Немировича-Данченко вызвали в Московское охранное отделение, и утренники были запрещены.

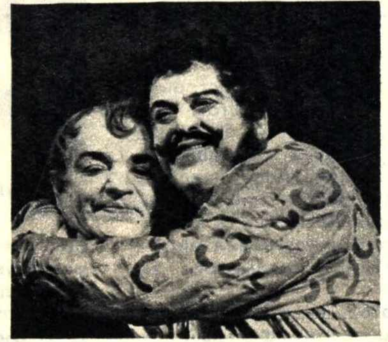
Несмотря на это, основанный 70 лет назад, в годы подъема общественного и революционного движения в России, Художественный театр с первых лет существования служил своим искусством народу, был выразителем передовых идей. С колыбели связав свое искусство с крупными общественными событиями, МХТ всегда стремился передать в спектаклях пульс современной жизни.

Утвердив на своей сцене новые принципы театрального реализма, новые методы сценического творчества, основанные на высокой идейности и глубоком постижении жизненной правды, он внес огромный вклад в развитие национального русского и мирового театрального искусства.

Реформа и идейная направленность театра нашли поддержку в драматургии его современников — Чехова и Горького; их творчество помогло театру определить общественный и художественный облик, явилось художественным выражением программных устремлений передовой русской интеллигенции, положив начало гражданской деятельности МХТ.

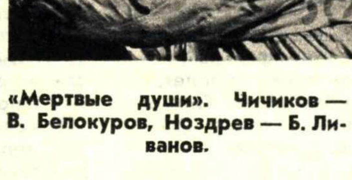

«Чрезвычайный посол». Елена Кольцова — А. Степанова, Король — А. Кторов.

«Мертвые души». Чичиков — В. Белокуров, Ноздрев — Б. Ливанов.

«Воскресение». От автора — В. И. Качалов.

«Три сестры». Ольга — К. Головко, Маша — М. Юрьева, Ирина — Р. Максимова.

ДОЛГОЛЕТИЕ

«Главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был А. М. Горький»,— писал К. С. Станиславский. Революционный романтизм писателя привлекал к себе молодой театр. Именно по совету и настоянию руководителей МХТ Горький занялся драматургией.

В канун 1903 года молодые, но уже любимые Москвой артисты Художественного театра Станиславский, Качалов, Книппер, Москвин играли спектакль «На дне». Режиссура — К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко — помогла актерам перейти от лиризма чеховских спектаклей к ораторской, романтической природе «На дне» с его прославлением Человека и призывом изменить жизнь. Успех превзошел все ожидания! Событие переросло театральные рамки, стало знаменательным в общественной жизни страны в канун революции 1905—1907 годов.

С тех пор вот уже 66 лет спектакль бережно сохраняется в репертуаре. Можно с уверенностью сказать: ни один театр мира не знает подобных примеров. «На дне» играли все поколения мхатовцев; трудно найти в труппе актера, который не прошел бы через этот спектакль; он — словно высшая академия актерского мастерства.

Не случайно этот спектакль сейчас — с молодым составом исполнителей — вызвал во время последних гастролей театра в Японии бурю восторгов у зрителя и прессы.

Поистине вечную жизнь «На дне» обеспечило верное идейное прочтение. Стремление автора сделать человека свободным, достойным своего высокого предназначения было созвучно классовым интересам пролетариата. Отражая прогрессивные тенденции эпохи, режиссеры выдвинули на передний план те идейные и нравственные ценности, которые имеют непреходящее общечеловеческое значение.

Забегая вперед, хочется назвать еще несколько спектаклей, также не имеющих в мире сверстников.

36 лет идут на сцене «Мертвые души». Это живая память о Станиславском — режиссере, создателе яркого, колоритного сценического произведения. Поставленный в последние годы его жизни спектакль — венец того блестящего актерского мастерства, которому посвятил многие годы Константин Сергеевич. При подлинной театральности формы — широкая типизация сценических образов. Чичиков — Топорков, а затем Белокуров, Собакевич — Тарханов и Грибов, Зуева — Коробочка, Станицын — губернатор, Ноздрев — Москвин и Ливанов, Манилов — Кедров, Плюшкин — Леонидов, а затем Петкер — все это вершина реалистического искусства, постижение авторского замысла с позиций художественного, исторического и социального опыта.

Большая сценическая жизнь и у спектакля «Воскресение».

В. И. Немирович-Данченко подчеркнул социально обличительную направленность романа. Это не просто история Катюши Масловой, а рассказ о рождении человеческой личности, освобождении ее от лицемерной морали и законов ханжеского дворянского общества. Это как бы продолжение театром горьковской темы Человека. Таким Человеком Катюша становится в общении с революционерами. Введение в спектакль образа «От автора» (В. И. Качалов) давало возможность лирически или ядовито, объективно или откровенно тенденциозно комментировать действие. Качалов безжалостно срывал маску с Нехлюдова, развенчивал его умиленность собственным прекраснодушием; гневно разоблачал он ложь и лицемерие суда. Всю полноту толстовской критики общества, всю мощь толстовского жизнеутверждения раскрыли создатели этого спектакля, к которому смело можно поставить эпиграфом слова Ленина о Толстом: «...Если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

Да, впрочем, слова эти суть многих постановок классики на сцене МХАТа.

К 30-летнему юбилею подходит вторая постановка Немировичем чеховских «Трех сестер». И здесь не просто тоска по лучшей жизни через 200—300 лет, а необходимость изменения тех условий, которые закрывают сестрам дорогу.

Ощущение грядущей революции, которая уже совсем близко и захватывает все новые массы,— в спектакле «Враги», поставленном в 1935 году В. И. Немировичем-Данченко и М. Н. Кедровым. Режиссеры акцентировали непримиримость классовых сил — рабочих и капиталистов. И вновь, как всегда, в спектакле, где предельная жизненная правда соединилась с четкой идейной и художественной позицией режиссера, блестящие актерские работы: Качалов — Захар Бардин, Хмелев — Скроботов, Книппер-Чехова — Полина, Тарасова — Татьяна, Тарханов — генерал, Грибов — Левшин...

В дни 50-летия Великой Октябрьской революции, когда театры показывали лучшие свои работы, спектакль «Враги» украсил афишу МХАТа. Теперь в нем блистали новые исполнители: П. В. Массальский — Захар, А. П. Кторов — Скроботов, Тарасова — Полина и превосходная Надя — Н. Гуляева.

Спектакль этот — важный этап на пути социалистического реализма в советском театральном искусстве.

Десятки лет в репертуаре МХАТа — «Вишневый сад», «Анна Каренина», «Синяя птица», «Горячее сердце» и многие другие спектакли.

ВНЕ РЕАЛИЗМА НЕТ ИСКУССТВА

«Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, это, конечно, Художественный театр»,— так, по словам А. В. Луначарского, формулировал отношение большевиков к искусству Художественного театра В. И. Ленин.

Период 1906—1917 годов во МХТ отмечен большими достижениями К. С. Станиславского в изучении коренных законов сценического творчества и создании системы работы актера.

Эти годы характеризуются также дальнейшими поисками постановочных приемов, приглашением новых режиссеров. В истории мирового сценического искусства МХТ первый поднял значение режиссера, из второстепенной фигуры превратив его в творческого и идейного интерпретатора пьесы, ищущего вместе с автором и коллективом актеров решения значительных жизненных проблем.

Искания в области актерского искусства, оформления спектакля, театральной стилистики не были самоцелью и потому, независимо от результатов, не могли принести полного удовлетворения руководителям МХТ. Они ощущали отсутствие в репертуаре произведений, выражающих современность с полнотой, присущей пьесам Чехова, Горького.

Великая Октябрьская революция вывела Художественный театр из этого кризиса. Руководители театра неоднократно в дальнейшем выражали благодарность партии и Советскому правительству за огромную помощь в становлении и развитии искусства.

МХТ в эти годы вел большую эстетически-воспитательную работу, отстаивая принципы реализма в сценическом искусстве. Педагогическая деятельность Станиславского, Немировича-Данченко и их учеников оказывала благотворное воздействие на общую культуру советского искусства: из школ и студий, созданных при театре, вышли многие деятели, определившие дальнейшее развитие советского театрального искусства. Труппа самого МХТ пополнилась учениками его студий. Это те, кто сегодня составляет гордость советского театра: О. Н. Андровская, М. Н. Кедров, М. М. Яншин, А. О. Степанова, А. Н. Грибов, Б. Н. Ливанов, А. П. Зуева, В. Я. Станицын...

Деятельность МХТ протекала в напряженной творческой полемике с пролеткультовцами и лефовцами. Отстаивая свои эстетические принципы, руководители МХТ в то же время стремились обогатить, обновить искусство Художественного театра, добиться, как позже формулировал Немирович-Данченко, слияния «трех правд» — жизненной, театральной и социальной.

С первых дней своего существования МХТ стал «театром автора», театром большой современной литературы. После революции репертуарная политика его была подчинена тому же принципу. В 1925 году поставлен спектакль «Пугачевщина» К. Тренева. В 1926-м — «Дни Турбиных» Булгакова (по роману «Белая гвардия»). В спектакле рассказывалось об обреченности белогвардейщины и переходе интеллигенции на сторону большевиков. Образы отличались тончайшей передачей психологии. В них утвердило себя на сцене «второе поколение» актеров (Н. П. Хмелев в роли Алексея Турбина, М. М. Яншин — Лариосик, В. С. Соколова — Елена Тальберг, Н. М. Кудрявцев — Николка, М. И. Прудкин — Шервинский). А когда в дни 50-летия нашего государства театр показал «Турбиных» в новой редакции (режиссер Л. Варпаховский), зрелыми мастерами проявило себя уже «третье» да, пожалуй, и «четвертое» поколение.

Важным этапом в жизни советского искусства явился «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, в котором главенствовала тема революционной бури, героики народного подвига (режиссеры спектакля — И. Я. Судаков и Н. Н. Литовцева, руководил постановкой К. С. Станиславский). Тема определила суровую простоту художественных средств. Огромную победу одержала в этой работе актерская реалистическая школа. Образы, созданные В. И. Качаловым (партизанский вожак Вершинин), Н. П. Хмелевым (руководитель подпольного большевистского ревкома Пеклеванов), Н. П. Баталовым (партизан Васька Окорок), М. Н. Кедровым (Синь Бин-у), вошли в историю советского театра.

Надо сказать, что и последняя, новая постановка «Бронепоезда» сыграла огромную роль в становлении и воспитании молодых актеров МХАТа.

Начиная с «Бронепоезда 14-69», этого выдающегося сценического произведения революционно-героического жанра, Художественный театр решительно встал на позиции глубокой, неразрывной связи с жизнью советского народа. В этом коллективу помогли Л. Леонов, А. Корнейчук, Н. Погодин, А. Афиногенов, А. Толстой, М. Булгаков, В. Катаев, Б. Лавренев, К. Симонов и другие драматурги.

МХАТ стремился воплотить образ нового человека, созданного новым общественным строем; этой задачей была проникнута работа Б. Н. Ливанова над ролью Кимбаева в «Страхе», Б. Г. Добронравова — Платона Кречета...

Историко-революционную тему развивали такие спектакли, как «Любовь Яровая» Тренева (1936), «Земля» Вирты (1937), пафос которых был в утверждении большевистской правды, превращении ее в общенародную. Именно этот мотив окрашивал образы Любови Яровой (К. Н. Еланская), профессора Горностаева (И. М. Москвин), Фрола Баева (А. Н. Грибов).

В сентябре 1932 года в ознаменование 40-летия литературно-художественной и общественной деятельности М. Горького театру было присвоено его имя, в 1937 году МХАТ награжден орденом Ленина, в 1938-м — орденом Трудового Красного Знамени.

ЛЕНИНИАНА

Репетиции «Кремлевских курантов» начались еще перед Великой Отечественной войной. Пьеса эта, созданная выдающимся советским драматургом Николаем Погодиным, рассказывает о первых годах существования молодого Советского государства, о деятельности В. И. Ленина. В 1942 году Немирович-Данченко вернулся к этой работе. Рядом с темой судьбы интеллигенции в революции зазвучала тема — вождь и народ. Средствами реалистического искусства просто, глубоко и вместе с тем романтически раскрывал театр центральный образ. Режиссура и А. Н. Грибов, исполнитель роли В. И. Ленина, стремились передать пламенность, простоту, размах мысли, демократизм Ленина, его народность, неиссякаемый интерес к людям, способность гениально предвидеть путь развития России. Превосходное исполнение актером этого многогранного, сложного характера отмечала во время недавних гастролей театра и японская пресса.

В 1956 году спектакль был возобновлен. С тех пор роль Ленина исполняет артист Борис Смирнов. Воссозданный им образ вождя — новая победа советской Ленинианы.

Спектакль утверждал простых людей как хозяев времени, показывая мощь и силу народа. Ту же тему развивает и заключительная часть погодинской трилогии о вожде и народе — «Третья патетическая».

Тревожные дни лета 1918 года в спектакле «Шестое июля» М. Шатрова. Этой постановкой театр продолжил Лениниану и в острой, своеобразной форме документальной драмы рассказал о борьбе В. И. Ленина, ленинского ЦК и всей партии за мир.

Для становления советского театра мхатовская Лениниана имеет огромное значение.

Сейчас, когда все советское искусство посвящает свое творчество предстоящему 100-летию В. И. Ленина, МХАТ снова покажет зрителю Лениниану.

ВЕЧНО ЖИВОЕ

Каковы же творческие принципы, которые хранит и развивает сегодня МХАТ, принципы, делающие его искусство вечно молодым, вечно живым и нужным людям?

Современный Художественный театр верен традициям, завещанным его основателями.

Коренной принцип его искусства — реализм. Конечно, воссоздание на сцене правды жизни ничего общего не имеет с натуралистическим копированием. Сущность явлений и человеческих характеров театр всегда раскрывает с четких идейных позиций. Главное в мхатовских спектаклях — актер. Его искусство — это искусство, раскрывающее жизнь человеческого духа на сцене. Но характер человека проявляется только во взаимоотношениях с другими. Отсюда требование ансамбля.

Путь к созданию сценических образов актерам указывает система Станиславского.

В современном мировом театре существуют различные течения и школы. Некоторые из них отрицают реализм, отрицают общественную роль театра. Довольно часто представители таких направлений пытаются выдать себя за истинных выразителей современности. Иногда и у нас в стране идут разговоры о том, что реалистическое искусство МХАТа, мол, устарело, не отвечает современности. Лучший и самый убедительный ответ на эти несправедливые нападки — сегодняшнее искусство МХАТа, искусство идейное, реалистическое, помогающее историческому прогрессу.

Мне довелось быть за рубежом с Художественным театром. Я видел, как принимает его зритель. В 1964—1965 годах мы были в Лондоне, Париже, Нью-Йорке.

В США было опубликовано около двухсот рецензий.

Приведу несколько заголовков: «Нам привезли живого Чехова», «Вишневый сад», лучше которого не может быть», «Печальная пьеса имеет блестящий успех» («Три сестры»), «Мертвые души» — это сокровищница актерского мастерства виртуозов»...

Такие признания — устные и письменные — можно приводить без конца.

Влияние МХАТа не только на весь советский, но и на мировой театр сегодня бесспорно.

Даже на Бродвее, где работают десятки всевозможных театров, где велико увлечение модерном и самыми различными новыми веяниями, спектакли МХАТа принимались как откровение. Там десятками насчитываются театральные школы, руководители которых считают себя последователями системы Станиславского. Они приходили к нам с магнитофонами, записными книжками, чтобы узнать как можно больше о системе.

Бесконечные переиздания книг Станиславского встречаешь буквально в каждой стране, они стали азбукой, учебником любого уважающего себя актера.

Сегодняшнее искусство Художественного театра не только достойная иллюстрация положений системы, оно ее талантливое продолжение и развитие.

И где бы ни показывал свои спектакли 70-летний МХАТ — у нас в стране, в социалистических ли республиках, в любой части планеты,— его вечно молодое искусство, близкое и нужное людям, всегда находит благодарный отклик. Ибо МХАТ помнит и несет в своем творчестве завет Станиславского: «Театр — лучшее средство для общения народов между собой, для вскрытия и понимания их сокровенных чувств».

Я СЫН КОЧЕВНИКА

Леонид ЛАПЦУЙ

В волнах Оби китом огромным
лежит, как полоз гнутый, мыс —
костлявый, от морозов черный,
как дед мой, жилистый,
крученый.
Его веками ветер грыз.
И ветром времени обтесан,
ожившим вековым утесом
над белизной равнин и рек
в полярном камне — человек.

Как мерно, вечно ходят рыбы
в Оби, средь водяной травы,
вот так теснятся мысли-глыбы
внутри огромной головы.
И лоб его гранитный, влажный
с любовью гладит ветерок.
И волны с рокотом протяжным
лежат собаками у ног.

Вокруг вздымают буровые
фонтаны газа, как живые.

Я сын кочевника. А Ленин —
все наше племя Ленин спас.
Я опускаюсь на колени,
и слезы катятся из глаз.
И сердце обскою волною
о берег ребер с болью бьет.
И в горле ком... Вот так весною
у речек в горле лед встает.
И, как безмолвные олени,
проходят слезы по щекам —
бессчетны слезы умиленья,
безмерна верности река.
На руки каменные глядя,
стою. И век бы так стоять.
Морщинку каждую разгладить
хочу. Но рук мне не поднять.
Хочу лицо его запомнить,
чтоб взгляд не за́стила зима.
И тихо, словно камень горный,
шепчу: «Спасибо за Ямал.
За то, что племя наше вывел
из дикой бездны кочевой,
твое мы вечно славим имя,
сердцами мы всегда с тобой».

А над полярным Салехардом
рассвет подснежником цветет,
и видит Ленин: мчатся нарты,
сверкает в небе самолет.
И лебедей седая стая,
тугими крыльями блистая,
полет снижает, клекоча,—
трубит во славу Ильича.

Перевел с ненецкого Я. Гордин.

СЛОВО О ДРУЖБЕ

Мухамед САДРИ

Уходит месяц с небосвода,
туманным облаком одет.
Не звезды упадают в воду —
встает над Родиной рассвет.

И взглядом, пристальным и
долгим,
его встречают волгари.
И позолоченная Волга
волной касается зари.

Восход
из зорь багровых соткан.
Не зря приветствует народ
восход торжественного солнца,
мечты и радости восход.

Так пой, мой друг, о человеке:
благословив его труды,
морями обернулись реки,
ветвями обнялись сады.

Благодаря его отваге
дано воспеть тебе и мне
сначала — знамя на рейхстаге,
а после — вымпел на Луне!

И пусть ветра свистят натужно,
пускай проносятся года —
с моей страной
сердечной дружбой
планета древняя горда.

Великой удостоен чести
в строю рабочих и крестьян,
с народами другими вместе
шагает в ногу Татарстан.

Шагает празднично и прямо
все пятьдесят великих лет.
Встает над Волгой и над Камой,
встает над Родиной рассвет.

Встает он, зорями алея,
лучами солнца осенен.
И смотрит в будущее Ленин
с победно поднятых знамен.

Перевел с татарского Вл. Савельев.

СЛЕД В ЖИЗНИ

САЙЯР

Цветет моя великая Отчизна,
своими достиженьями горда.
Ее сыны,
чтоб след оставить в жизни,
теснят пески и строят города.

Выходят на работу
утром рано,
к своей не безразличные судьбе.
А памятники Ленину — те страны,
где люди пробуждаются к
борьбе.

Перевел с узбекского Вл. Савельев.

МЕЧТА МОЯ

Михаил ХОНИНОВ

Если б жил
наш Ильич сегодня,
Если б к нам
заглянуть пожелал,
Не устал сочинять ему бы
Задушевный
калмыцкий йерял[1].
Но я знаю —
он где-то рядом,
Он заходит в мой дом простой,
Он в стихах моих
самых лучших,
Что пока не написаны
мной.
Как хочу его имя прославить,
Ту
бессмертную песню создать,
Что заставит
утихнуть бури,
Что прикажет
грозам молчать.
Как хочу,
чтобы дети мира,
Чтобы дети
единой семьи
Монумент
Ильичу воздвигли
В честь
навеки свободной земли,
Чтобы памятник встал
гигантский
Воплощеньем
гигантских дел,
Чтобы Джангра
Мингъян волшебный
У подножья
играл
и пел.

Перевел с калмыцкого Игорь Романов.

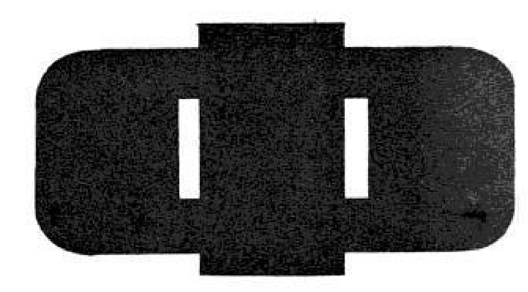
---

[1] Благопожелание.

От Зугдиди недалеко до Ахалсопели. Зугдиди — бывшая резиденция князей Дадиани. Ахалсопели в переводе на русский означает: «новое село». Кому не нравилось жить под князем, уходили в лес и строили там маленькие деревянные избушки. Так выросла деревня. Жили мингрельцы в нищете. Земля тамошняя кормила плохо. Да и что это была за земля — болота одни. Много ли с нее возьмешь?

Оказалось — много. Даже очень много можно взять с этой земли, если хозяйничать на ней будут не князья, а народ. В тридцатых годах началось великое осушение Колхиды. Вырастали на мингрельской земле чайные хозяйства. В Ахалсопели организовали колхоз, вошло в него несколько бедняцких семей.

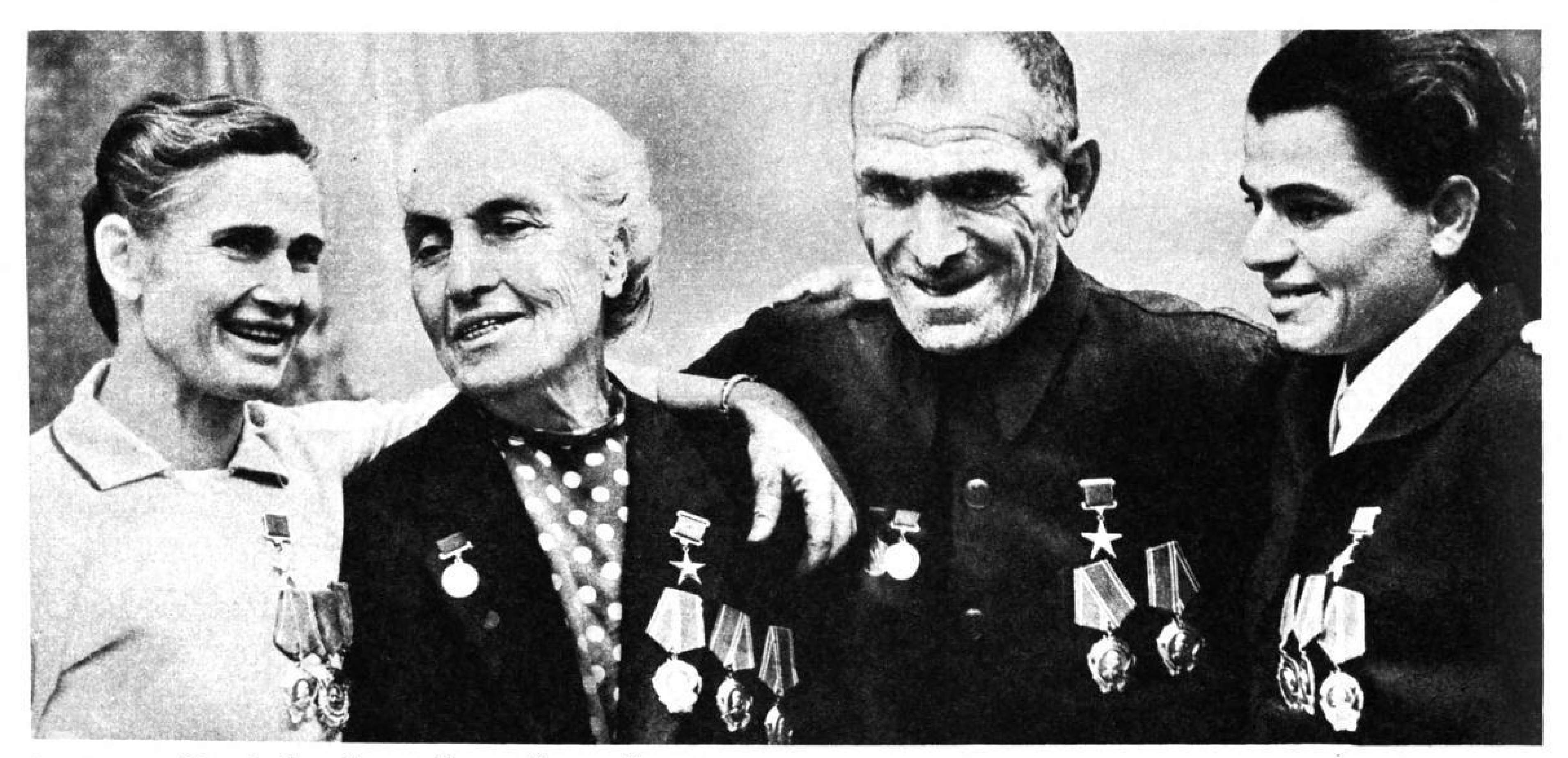
Партен Кадария, коренной ахалсопелец, рассказывает, что он имел всего одну пару брюк, гимнастерку, офицерские калоши, мотыгу, лопату и козу — вот и все имущество. Ахалсопельцам пришлось повоевать вдвойне — и с болотами и с лесом. Это был нелегкий труд. Но год от года колхоз богател, потому что злая прежде природа стала на редкость щедрой. Не сама по себе

она так круто изменила характер,— люди заставили, трудом своим. И молодежь, которая нынче живет в Мингрелии, подчас удивляется, за что К. Паустовский в тридцатых годах называл их землю тропической каторгой.

Семья Кадария живет в доме, которому позавидовал бы сам князь Дадиани. Его построили десять лет назад, когда эта семья собрала чайного листа на 320 тысяч рублей — деньги тогда шли в старом масштабе, так что по-сегодняшнему будет 32 тысячи. А начинал глава семьи Партен Михайлович, как помните, с протертых штанов да хилой козы.

Партену Михайловичу в нынешнем году исполнилось 66 лет, но энергии его хватило бы на двух молодых парней. В колхозе, хоть и ушел старик на пенсию, до сих пор без совета его не начинается ни одно важное дело. Как-никак Партен Кадария закладывал это хозяйство, здесь, можно сказать, каждый куст вырос под его руками. Кадария не кончал института, даже в школу не пришлось ему ходить, грамоте обучался в зугдидском ликбезе. Его университетом стал колхоз. За тридцать пять лет так изучил Кадария агротехнику чая, что два диплома смог

Есть такая семья! Валя Срибнова, Доминика, Партен и Минадора Кадария.

Валерий КАДЖАЯ

Фото А. Бочинина.

АМИЛЬНОЕ ЗОЛОТО

бы защитить, а может, и целую диссертацию.

Чай — одна из самых трудоемких культур в сельском хозяйстве. Работы не прекращаются ни на день. Круглый год нужно холить плантации: подрезать кусты, рыхлить междурядья, вносить удобрения. От того, как ухожена плантация, целиком зависит урожай. Средняя урожайность чая в Зугдидском районе 4,7 тонны с гектара, а у Кадария никогда не было меньше шести. В 1948 году бригада Кадария добилась фантастического результата — более семи тонн с гектара, за что и присвоили ему звание Героя.

Самый первый урожай Партен Михайлович собрал в 1937 году. В сорок первом почти все мужчины Ахалсопели ушли на фронт. Партена не взяли, у него с детства была изувечена правая рука. Свою бригаду он в шутку прозвал «бабий батальон».

Женщины работали самоотверженно, словно не чай собирали, а шли в атаку. Почти все были женами фронтовиков. Одна за другой надевали сборщицы чая черные траурные платья, и те, которые надевали черные платья, работали с еще большим исступлением, чтобы в работе забыть горе. «Бабий батальон» стал ударной бригадой. Уже позже семь женщин из бригады Кадария получили звание Героя Социалистического Труда, в том числе жена Партена Домника и дочь Минадора. Потом стала Героем и вторая дочь Партена — Валя Срибнова. Приехала она из-под Полтавы на сбор чая, а через десять дней — война. Осталась Валя без родных, без дома, без ничего. И тогда Партен и Домника поговорили меж собой и сказали Вале: «Оставайся у нас, дочка, будем жить вместе».

— Мне тогда шестнадцати еще не исполнилось,— рассказывает Валя.— Кадария жили бедно, но мне ни в чем не отказывали. Что Минадоре, то и мне. Хорошие они люди, душа у них золотая. Они мне молодость спасли.

После войны отыскалась родная мать Вали, увезла дочку к себе. Но ненадолго. Однажды Валя сказала: «Ты не обижайся, мама, только хочется мне еще хоть одно лето на чае поработать». И вернулась. Да в тот год и вышла замуж за местного парня, так осталась в Мингрелии навсегда.

...Чайные плантации выглядят весьма эффектно. Бесконечные волнистые ряды зеленых газонов, окаймленных стройными кипарисами. Вдали — вечно белая гряда Сванетских гор. На плантации там и сям женщины в широкополых шляпах. Картина для несведущего человека идиллическая.

Но сборщицам некогда любоваться на окружающую их красоту. Они работают. Пальцы без устали снуют по зеленой шапке нежных листьев, и руки без остановки движутся от куста к корзине, от корзины к кусту. Корзины привешены по бокам, чтоб удобнее было. Не удивляйтесь высоким заработкам сборщиц чая — ведь и труд у них не легче, чем у горняков. То палит солнце — и тогда температура поднимается до сорока градусов в тени. А какая тень от соломенной шляпы? То льет тропический дождь — и междурядья превращаются в русла маленьких рек. А руки сборщицы все движутся от куста к корзине, от корзины к кусту. И так с мая по октябрь. Каждый день. От зари до зари. И никто не может заменить сборщицу. Ведь собирать чай — это настоящее искусство: надо уметь в густой шапке куста выбрать нежные, свежие побеги и не поранить при этом пальцы о старые, острые, как бритва, листы. Чтобы собрать один килограмм листа, надо сделать до трех тысяч движений руками. Средняя сборщица собирает в день до 30 килограммов. Домника Эрастовна, Минадора и Валя собирали в майскую страду по 100—120 килограммов!

Руки у них совсем не женские — за многие годы, проведенные на плантации, они огрубели, на пальцах образовались мозолистые подушки. И лица у них по-крестьянски грубые, обветренные. Зато глаза... Нет на них Рембрандта!

Кадария живут просто и дружно. Партен Михайлович по-прежнему жизнерадостен и большой хлебосол. В гостиной у него стоит телевизор «Темп», и, когда бывает футбол, он зовет соседей, выносит кувшин «Цоликаури» и заставляет пить за каждый забитый гол. А вино у него отменное, поэтому соседи у Кадария большие противники нулевых ничьих.

Мы попали в Ахалсопели на торжество. Двадцать лет назад Партен и Домника Кадария получили Золотые Звезды Героев. Первые две звезды. Теперь в семье их четыре. И девять орденов Ленина. Были, конечно, поздравления, и был большой семейный праздник.

Вячеслав КОСТЫРЯ

Президент Академии наук Узбекистана Абид Садыкович Садыков.

О чем скрипел чигирь?

Владимир Ильич Ленин в одной из бесед с Максимом Горьким сказал:

«Эх, если бы у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!»

В ленинской мечте жило будущее Москвы, Петрограда, Киева, Ташкента, Душанбе, Алма-Аты, Ашхабада...

У отвесного берега вертится огромное, почти в три человеческих роста деревянное колесо. Движут его струи реки, но кажется, что вращение происходит само по себе, что колесо это живое. С помощью глиняных кувшинов, привязанных к ободу веревками, оно зачерпывает воду и, поднимая ее вверх, сливает в желоб оросительного канала. Ни единой железинки во всем сооружении, ни малейшего чьего-либо мускульного усилия, а вода беспрерывной лентой течет к полю, расположенному на целый тополь выше реки!

Этот прапрадедовский чигирь, как-то попавшийся на глаза в кишлачной глубинке Узбекистана послевоенной поры, вдруг отчетливо припомнился мне, когда мы беседовали с инженером-физиком Мирджалилом Мирзаевым, стоя на огромной, диаметром тоже не менее трех человеческих ростов, металлической крышке атомного котла-реактора в Институте ядерной физики Академии наук Узбекской ССР.

Мирджалил в советское время получил высшее образование, стажировался в Москве, в институте имени И. В. Курчатова, монтировал атомный центр в Каире. Теперь вот дома — начальник смены атомного реактора в поселке Улугбек, что в двадцати километрах от Ташкента. Но инженерные предки его — среди тех, кто тысячу лет назад гнул карагачевые брусья, месил глину для первого чигиря. Разница, естественно, в том, что их потомку Мирджалилу покорилась сама «нечистая сила», то бишь нейтронный поток...

Здешние инженеры буквально «видят сквозь землю». Как бы ни прятался в недрах какой-нибудь редкий элемент, будь его концентрация примерно всего один грамм на сто тонн, не уйти ему от внимания исследователей. Он сам себя выдаст! Происходит это так. Кусок породы, помещенный на какое-то время в атомный реактор, начинает бурно возмущаться бесцеремонным вторжением нейтронов в каждый свой атом. Порода превращается из молчаливого сборища обычных атомов в бурный митинг радиоизотопов, каждый из них начинает испускать присущие только ему гамма-лучи, а это и есть визитные карточки элементов. Узгур Акбаров, например, с помощью сконструированной им установки для магнитной сепарации бета-излучения может безошибочно определять количественное содержание натрия, хлора, калия, магния, меди, мышьяка в медных рудах, горных породах, минералах и водах. А научные сотрудники лаборатории Абакара Абдуллаева с помощью трития, стабильных изотопов получают достоверные данные о динамике подземных вод.

Но как ни поразительны для неискушенных эти прозрения в недра земли, самое магическое впечатление производит, пожалуй, корпус гамма-источников. Эффекты здесь в основном глубинные. Так, облученные на гамма-установке семена хлопчатника дают урожай на семь процентов выше обычного.

Кабель под воздействием лучей кобальтовой гамма-установки становится практически нечувствительным к большим температурам, посторонним электровоздействиям. Но вот сотрудники занавешивают окна, прикрывают двери, и световые эффекты превращают помещение корпуса в сказочную пещеру. Достаточно заглянуть в колодец, где под слоем воды солнечно сияет добела накаленный стержень установки, и «пещера» кажется подводной. Несколько манипуляций инженера Мухтара Муминова — и перед нами цветистая россыпь драгоценных каменьев: красные, зеленые, синие... Но это не алмазы, это просто кристаллы шинлита, кальцита и других подопытных образований, избитые гамма-лучами и покрасневшие, позеленевшие, посиневшие от бессильной ярости.

А отдел физики высоких энергий, космических лучей!

— Здесь таится что-то основополагающее,— рассуждает физик-ядерщик Улуг Гулямов.— Собирается очередная научная конференция, и каждый раз возникает надежда: вот-вот вытанцуется всеобщая теория ядерных сил...

Слушая Улуга Гулямова, я думал: поистине космическое противоречие между смыслом прославленной (Улуг — сын народного поэта Узбекистана Гафура Гуляма) фамилии «Гулямов», что в переводе значит «Батраков», «Рабов», и духовной раскрепощенностью, более того, дерзостностью моего собеседника!

Президент Академии наук Узбекской ССР Абид Садыкович Садыков, доктор химических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, ученый, труды которого известны широкому кругу химиков Советского Союза и зарубежных стран:

— Лишь в 1917 году,— говорит он,— великая революция высветила даже такие наши темные феодальные закоулки, где, казалось, вообще ничего не произрастет. Уже в 1920 году декретом за подписью В. И. Ленина в Ташкенте был учрежден университет — первое высшее учебное заведение в Средней Азии. Вот любопытные цифры. Из Москвы, Петрограда и других городов России приехало 86 профессоров и преподавателей; для перевозки в Ташкент лабораторного оборудования, учебных пособий, библиотеки в 20 тысяч томов понадобилось 65 железнодорожных вагонов. Это, так сказать, посев, начало создания тех самых «идеальных условий», о которых говорил Владимир Ильич в беседе с Максимом Горьким. А вот и жатва — сегодняшние цифры только по узбекистанской науке. В нашей Академии наук и других научно-исследовательских институтах республики трудятся 19 тысяч человек, из них только в академии свыше ста докторов наук, около 900 кандидатов, 41 член-корреспондент АН УзССР, 43 академика, два члена-корреспондента АН СССР, два почетных академика.

И, главное, все это сыновья и дочери рабочих, дехкан, работников умственного труда. А среди них и я, сын сапожника, со своим скромным вкладом...

На международную орбиту вышли открытия многих коллег Абида Садыковича Садыкова. О работах одного из них, ветерана и организатора науки в Узбекистане, профессора, доктора физико-математических наук, академика Академии наук УзССР Убая Арифовича Арифова, ныне знает весь научный мир.

...На столе стопка книг в черном ледерине, похожих по формату на учебники. «Взаимодействие атомных частиц с поверхностью твердых тел». Автор — У. А. Арифов. Издательство «Наука». Москва, 1968 год. Можно не сомневаться, что вскоре ее издадут и на английском языке, в Америке, как это было в 1963 году с предшествующей его монографией о взаимодействии атомных частиц с металлами.

В чем же суть проблемы? Убай Арифович полистал пестрые от формул и диаграмм страницы в поисках чего-нибудь «удобоваримого» для непосвященных, но...

— Хотите популярно?— спросил он.— Козлодрание видели? Перепелиный бой видели? Так вот... При бомбардировке поверхности ионами, электронами, атомами и молекулами тоже все летит в клочья!.. Точнее говоря, возникает множество таких сложных явлений, что нам понадобилась почти четверть века, чтобы как-то разобраться. В зависимости от условий столкновения одновременно происходит рассеивание, испарение, адсорбция, десорбция, внедрение, диффузия, катодное распыление, а также ионизация и нейтрализация сталкивающихся частиц. И если после козлодрания мясо остается мясом и может пойти в котел на плов, то здесь такой обмен зарядов, масс, энергий совершается, что средневековые алхимики лопнули бы от зависти, взглянув на иное наше подопытное твердое тело! В общем, все зависит от условий столкновения.

Сыновья Убая Арифовича увлечены электроникой. Пулат — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник теоретического отдела института. Тимур стажируется в Московском физическом институте имени Лебедева, много экспериментирует, готовя диссертацию по квантовой электронике.

Беседовали мы с Убаем Арифовичем одновременно и дома и на работе, так как живут Арифовы рядом с институтом, и большой, персон на двадцать, стол в их гостиной легко превращается из обеденного в рабочий, и наоборот. Так было и на этот раз. Когда хозяйка внесла блюдо с благоухающим традиционным пловом, Убай Арифович признательно воскликнул:

— Вот и наш доктор пловных наук!

Это прозвучало доброй шуткой, но вскоре выяснилось, что Амина Рахимовна прежде всего доктор наук химических, и еще рано утверждать, чей результат будет практически весомей: у физико-электронщиков, которые увлеклись сейчас «Моделированием на электронно-вычислительных машинах фазовых превращений твердых тел», или у них, у химиков-органиков, настойчиво работающих над проблемой «Алкилирование ароматических соединений», что означает производство сложных органических веществ на основе простых и доступных. Студентка третьего курса химфака Таш ГУ Дилорам Арифова уже самим выбором профессии на стороне матери. Выбор же был предрешен: разве не дрогнет девичье сердце перед перспективой добыть шелк (пусть хоть и ацетатный!) из обыкновенного бухарского газа?!

Выяснилось также, что Амина Рахимовна защитила свою кандидатскую диссертацию даже раньше мужа, в 1943 году,— он только в 1945-м после ранения под Бреслау и лечения вернулся в Ташкент.

— А начинали вместе,— вспоминает Убай Арифович.— В детдоме. И я и Амина — из рабочих семей. Мои родители умерли в 1923 году, отца Амины, хорезмского красногвардейца, убили басмачи. Так что без плакатных гипербол нам государство — отец, Советская власть — мать. Без великой социалистической революции, скорее всего, мы бы не выжили. Но если бы повезло, дальше арифметики или, может, алгебры не пустили бы нашего брата. А с таким багажом об электронике даже представления не получишь... Амине же пришлось бы химией лишь на кухне заниматься.

Ядерная физика, электроника, гелиотехника, органическая химия... Чигири! Не о сегодняшнем ли времени титанических сил, подвластных человеку, мечтательно скрипел он всю свою тысячелетнюю жизнь, роняя в речной поток звонкие капли — то ли пот, то ли слезы!

Гелиотехники учат солнце по-новому работать на человека.

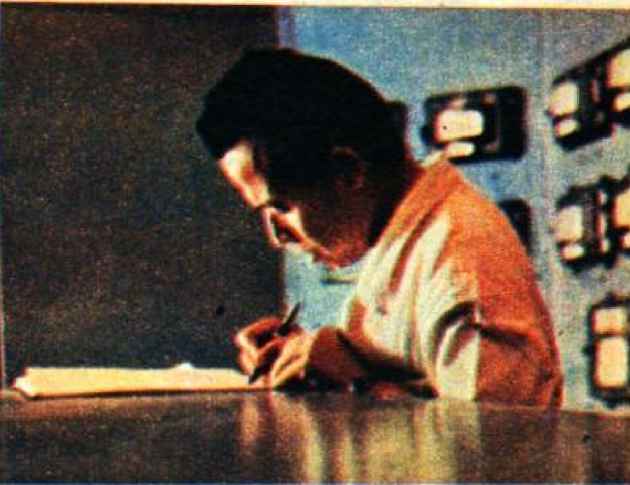
Академик Убай Арифович Арифов.

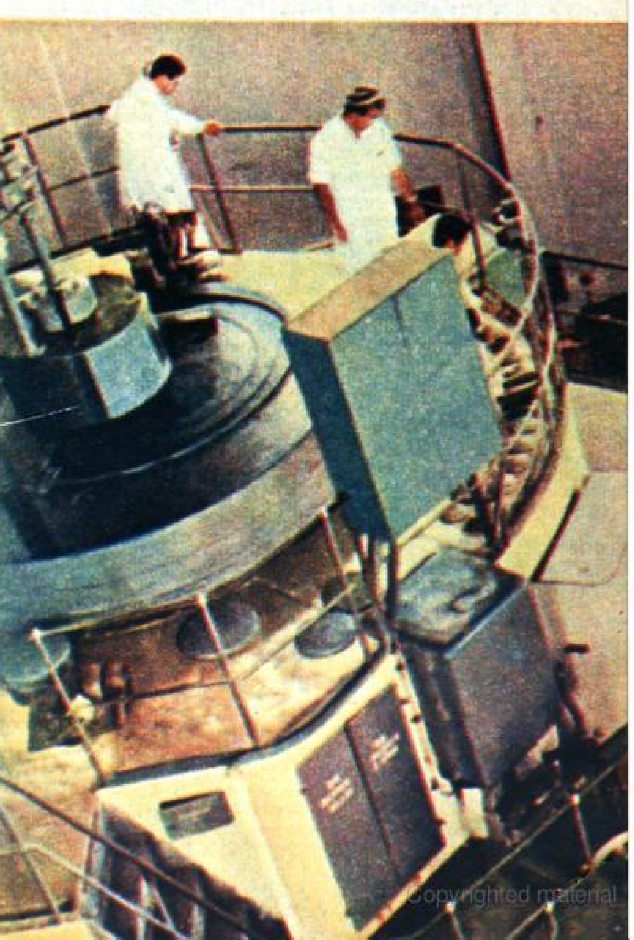
Сегодня у пульта управления старший инженер-оператор Абдугани Расулов.

Словно капитанский мостик, блистает чистотой и порядком реактор...

Фото В. Сваричевского и Л. Шерстенникова.

Культура быта прочно входит в жизнь сельских тружеников Молдавии. Во многих домах села Костулены есть водопровод, газ, ванны.

Фото Д. Ухтомского.

Октябрьские аллеи

Н. ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Как в песне — опять стою на краешке земли. На этот раз — на краешке земли Зеленого Листа. Почему так называют Молдавию? Может быть, потому, что почти каждая молдавская песня начинается словами «лист зеленый, лист резной», а потом уж в ней зажигательно поется про все, про что хочется петь. В Молдавии более 1 600 видов разных растений с густыми и плотными листьями. Но уж название-то дал, вне всякого сомнения, ее главный лист — «лист зеленый, лист резной, лист веселый винограда»!

...Справа, слева и сзади кудрявыми рядами уходит за горизонт еще по-южному сочный, зеленый мир. Впереди — обрыв, под ним в сетке мелкого дождя поблескивает излучина реки Прут, за Прутом в туманной мгле — холмы Румынии. Здесь, на нашей стороне, в селе Нижний Буздуган, деревенская улица тянется вдоль государственной границы. Колодец, окруженный, как принято в этих краях, расписной оградкой, упирается в низенькое проволочное заграждение. И мальчишки в резиновых сапогах носятся по пограничным лужам.

Мои новые знакомые, товарищи из совхоза «Прут», рассказывают о труде здешних земледельцев, ученых и экономистов, об их поисках и находках.

...Лет двадцать назад мне приходилось с самолетной высоты видеть крохотные заплатки бессарабских крестьянских наделов первых послевоенных лет. Теперь я вижу гигантские квадраты лоснящихся пашен и озимых всходов.

Двадцать лет назад в бессарабских селах 80 процентов населения было неграмотным. Теперь я знакомлюсь с этим населением.

В здешних селах много молодежи. Почти все окончили восьмилетку, привычны к механизмам, озабочены судьбой совхоза, в разговоре смешливы и остроумны. И одеваются и живут по-городскому.

...Директор совхоза Яков Миронович Чакир родился и вырос тут еще в помещичьи времена. Я расспрашиваю его, как жилось, какие были села. Яков Миронович не склонен пересказывать общеизвестные вещи.

— Я лучше расскажу вам,— говорит он,— одну историю из моего детства. Однажды, в жатву, я принес отцу в поле обед. А по соседству с нашим было поле, принадлежавшее двум братьям. У одного два гектара, и у другого два. У одного восемь детей, у другого, кажется, шесть. И тот, у которого было больше детей, однажды запахал и засеял две борозды братнего поля. Тот не стал поначалу шуметь, дождался урожая и пошел косить с тех двух борозд. Ну, и ринулись один на другого с вилами, и брат, защищаясь, снес своему брату косой голову, словно саблей. Я хоть и мальчишкой совсем был, а на суде свидетелем выступал. Вот как было. А как сейчас — сами смотрите.

...Дождь идет, затяжной, мелкий, его особенно не любят чабаны, и потому он, как в насмешку, называется здесь чабанским. Мир, заштрихованный дождем, должен бы казаться серым, а он полон красок. Темные тучи, как шляпки зрелого подсолнуха, окаймлены по краям лучами непобежденного солнца. Краски лиловеющей земли, разнотонной зелени садов и виноградников, темного неба и серебристого дождя, смешавшись, текут в холмистые дали нежными сиреневыми потоками. Идет дождь будущего урожая.

Диковинными желтыми птицами застыли на полях совхоза поливные тракторы со стометровым размахом крыльев. Полив не нужен сейчас, и я только по рассказам могу представить, как несут тракторы на широких крыльях сто метров солнечного ливня, как напряженно работают 92 совхозных поливальщика, и только по рассказам да по торчащим из-под земли кранам-гидрантам знаю, что там, под полями и садами, проложено 88 километров труб, что из 8 тысяч гектаров поливается 3 200 и скоро будет поливаться еще 1 500. Мне рассказывают еще, что поливная система обошлась почти в два миллиона рублей, но что окупится она через три-четыре года и дальше будет работать только на прибыль.

Пусть полыхает солнце, пусть раскаленные ветры летят над садами — все равно в тот день и в тот час, когда люди сочтут нужным, пойдет радужный дождь.

Еще сравнительно недавно на этих землях дохода получали в сорок раз меньше, чем получил совхоз в прошлом году. А нынче будет получено еще больше. Я спросила директора, как добились таких перемен за недолгий срок. Яков Миронович, сам агроном с высшим образованием, ответил:

— Наука помогла. Всякая: агрономическая, садоводческая, ветеринарная, гидротехническая, планово-экономическая. У нас работают 18 специалистов с высшим образованием и 42 — со средним. Ученые из Молдавского НИИ садоводства, виноградарства и виноделия — наши друзья и постоянные консультанты.

Я вспоминала его слова и безукоризненно культивированные земли совхоза, читая постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении научно-исследовательских работ в сельском хозяйстве.

Сад молдавского совхоза «Прут» — единственный пока в Советском Союзе, выращенный по методу «пальметы».

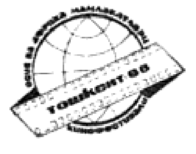
«Пальмета» — итальянский способ формирования садов.

Метод этот несложен: ветви молодых деревьев отгибаются и закрепляются под углом в 50—55 градусов. Тем самым искусственно прекращается рост, и весь сок земли и золотое тепло солнца уходят в плоды.

Если встать на любом из холмов в центре совхозного сада, увидишь, как сотни октябрьских аллей пестреют на черном бархате земли. Яблони поздних сортов горят красками заката, они усеяны плодами так, что на иных зеленеют только кончики ветвей. В грушевых аллеях тяжелые, словно из литого золота, плоды солнечно светятся под дождем. При желании их можно измерить. Вот яблоко — в диаметре 11 сантиметров. Груша—12 сантиметров в длину. Почти вдвое больше тех, что мы обычно покупаем на рынках и в магазинах.

...Говорят, аллеи здесь необычайно прекрасны и благоуханны в пору цветения. Наверное. Но теперь, в октябре, видишь, какой доход приносят эти аллеи людям. И понимаешь, почему все хорошеют голубовато-белые дома под красной черепицей, почему все ярче расцветает резной орнамент по карнизам и на традиционных раскрашенных воротах. В старинном уюте домотканых черных шерстяных с красными розами ковров блестит полировка телевизоров и радиоприемников, белеют холодильники, стиральные машины, газовые плиты. Новые дома строят с ваннами в кафеле — пусть всласть купаются тут и взрослые и малые. Кстати, о малых — в среднем по совхозу их на каждую семью приходится семь человек.

В дискуссии о том, каким быть сельскому дому, кажется, самой мудрой оказалась жизнь: дом должен быть снаружи таким, каким считают его красивым русские, украинцы, грузины, молдаване. Каждый на свой лад. А внутри пусть будут городские удобства.

Разговор друзей

Н. ЗЫБИНА

В последней декаде октября гостеприимный Ташкент снова засиял огнями иллюминации. Взвились флаги 47 стран — участниц Первого Международного кинофестиваля стран Азии и Африки. На улицах запестрели праздничные одежды гостей из далекого Сенегала, Камбоджи, Гвинеи, Объединенной Арабской Республики, Японии, Индии, Сирии, Пакистана, Дальнего Востока, республик Средней Азии...На Всемирный форум киноискусства гости привезли более 100 фильмов, чтобы рассказать языком кино о своих странах. Во Дворце искусств, в переполненных кинотеатрах города проходили встречи со зрителями. На заводе «Ташавтомаш» встреча с делегацией Вьетнама превратилась в бурную демонстрацию дружбы. В своем Дворце, носящем имя Ленина, гостей принимали ташкентские пионеры. Много полезного для дальнейшего расцвета и становления киноискусства принесла участникам творческая дискуссия «Кино в борьбе за мир, социальный прогресс и свободу народов».

Вот что говорят о фестивале его участники.

Чыонг Куан Фан — представитель Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама.

На Первый Международный кинофестиваль стран Азии и Африки я привез горячие приветы от сражающегося Вьетнама. Наши кинооператоры там, на родине, работают сейчас с кинокамерой в одной руке и оружием в другой. Немало из них погибает. Молодая кинематография Южного Вьетнама родилась в обстановке боя. Лента, которую мы привезли на кинофестиваль, — «Освобожденные районы центральной части» производства киностудии «Освобождение». В ней рассказывается о том, как упорно отстаивают патриоты каждую пядь своей земли, как старики и малые дети — все помогают фронту и восстановлению жизни в отвоеванных районах. Может быть, наш фильм в чем-то технически несовершенен, но самое важное — показать миру стойкость и непреклонность нашей страны и народа, решившего умереть, но не сдаться!

Кинематографисты Южного Вьетнама благодарят своих старших братьев—советских кинематографистов и деятелей искусства всех стран, которые вместе с нами разоблачают военные преступления американских агрессоров и поддерживают справедливую борьбу вьетнамского народа.

Малик КАЮМОВ —народный артист СССР (Узбекистан).

Так повелось: собираясь вместе, люди рассказывают друг другу новости. На экране Первого Международного фестиваля стран Азии и Африки я увидел увлекательнейший кинорассказ о странах сказочной природы, о делах людей, сбросивших иго колониальной зависимости. Документальные фильмы республики Чад, Сьерра-Леоне, Либерии, Дагомеи, Ганы, Мали и Нигерии, Пакистана и Уганды, Камеруна и Кувейта — этот поистине триумфальный парад киноискусства документалистов зажигает новой энергией сердца. Успехов вам, дорогие друзья!

Юнус Н'Дьяй — актриса (Сенегал).

Кажется, моя жизнь началась сначала. Первая роль в кино, первый кинофестиваль и первая поездка в вашу страну. Есть от чего прийти в восторг!

Мой дебют в кино неслучаен. Я уже много лет играю на любительской сцене.

О чем я мечтаю? О мире и дружбе во всем мире и о новой роли в кино!

Акира Кимура — актер (Япония).

Около трех лет назад в Токио вышла большая книга, написанная группой рабочих, «Рассказ о борьбе рабочих Токио за свои права». Этот живой и красочный рассказ увлек прогрессивных кинематографистов. Но кинофирмы наотрез отказались финансировать съемку. Помогли рабочие. Они вложили часть своей зарплаты в фонд картины и заставили хозяев (дело доходило до забастовок) разрешить съемки на заводах.

...Я увезу из Ташкента самые лучшие воспоминания о советских людях, о новых моих друзьях и надеюсь, что мои «журавлики» — наш национальный символ мира,— оставленные им на память, станут и символом будущих встреч на советской земле.

Магда Кемаль — актриса (Объединенная Арабская Республика).

Впервые я приехала в Советский Союз еще в 1959 году на Московский международный кинофестиваль. С тех пор я не считаю себя здесь чужой. У нас в Каире специальный кинотеатр, где идут ленты советских кинематографистов. Его зал всегда полон. Перед нашим отъездом там шли «Гамлет», «Баллада о солдате», «Война и мир».

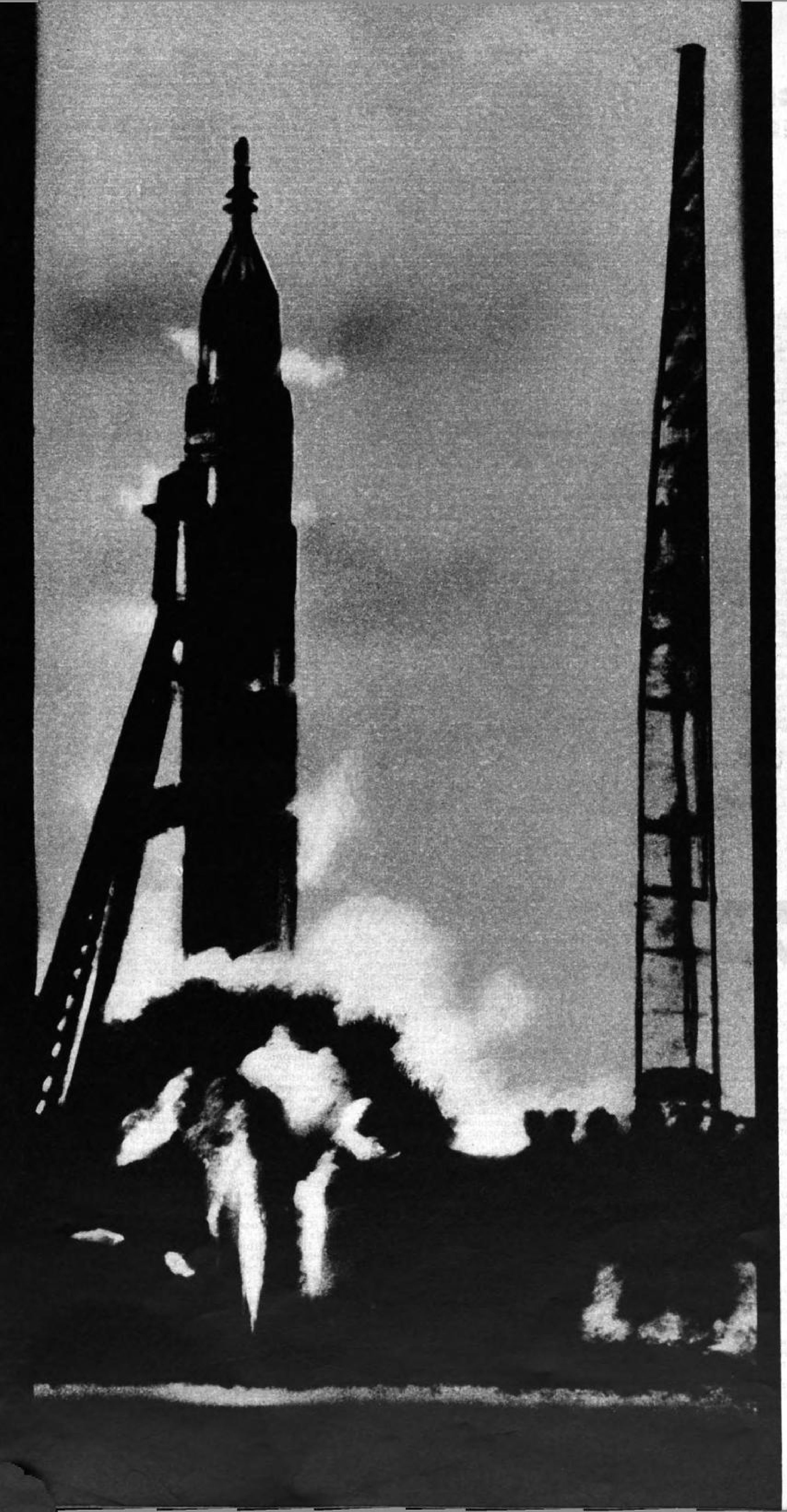
Мне очень приятно, что наши фильмы «Почтмейстер» и «Искусство феллахов» пользовались здесь большим успехом у зрителей.

Санси Сбонг — актриса (Камбоджа).

Принц Нородом Сианук написал сказку про доброго юношу, победившего все силы зла, чтобы сделать людей счастливыми.

Из всех фильмов, где мне пришлось играть, в этой картине самая маленькая моя роль, самая дорогая. Я играю королеву, жену принца, рядом с которым светло и радостно жить. Я счастлива, что наши фильмы нашли в Ташкенте такой теплый прием.

Всем моим новым друзьям и всем людям вашей страны я желаю процветания и счастья!

НА КОСМИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Начало см. на стр. 5.

полету. Космонавту много раз приходится проверять свое здоровье, совершенствовать навыки обращения с приборами и аппаратурой, бесконечное количество раз сдавать зачеты по знанию техники и всем элементам полета, подолгу «обживать» свое рабочее место в кабине корабля, который на несколько суток становится его домом, все делать на Земле «по-космически». И до выезда на космодром не знать, пойдешь на этот раз в космос ты или твой товарищ-дублер.

Но все сложилось счастливо для Георгия Берегового. И улетел он из «Звездного городка» на космодром в погожий день. Все было, как всегда: и деловитое, но невольно окрашенное торжественностью утверждение его кандидатуры Государственной комиссией в качестве командира космического корабля «Союз-3» и полная раздумий последняя, предстартовая ночь...

Журналистам, провожавшим Георгия Берегового в полет, запомнилось, с каким вниманием накануне он следил за стартом могучей ракеты, уносившей ввысь беспилотный корабль «Союз-2». Вечером, в предстартовый день, собравшись на традиционную беседу, долго говорили о прожитом, о настоящем и будущем. Кто-то прочитал стихи Сергея Есенина о Владимире Ильиче Ленине — «Капитан Земли». Прозвучали, может быть, и несколько мистические, но близкие к переживаемым минутам строки Валерия Брюсова, написанные им полвека тому назад:

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы,—
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

Все было, как всегда, и на самой стартовой площадке. Провожаемый учеными, конструкторами, специалистами, друзьями-космонавтами, Георгий Береговой, приветственно подняв руки, уверенным шагом поднялся к кабине корабля. И все провожавшие увидели его энергичное лицо, освещенное тем же светом вдохновения, которым были в такие же минуты освещены лица Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Быковского, Терешковой, Комарова, Феоктистова, Егорова, Беляева и Леонова. Эти люди первыми пронесли вокруг земного шара красное знамя ленинской эстафеты, провозглашающей свободу и мир народам Земли. Нынче, в канун 51-й годовщины Великого Октября, в пору, когда все прогрессивное человечество готовится к 100-летию со дня рождения Ленина, еще один космический корабль, порожденный гением советского народа, пронесся во Вселенной!

Кадр из кинохроники, передававшейся по телевидению,— ракета-носитель с кораблем «Союз-3» на старте.

1961 год. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев вручает в Кремле Георгию Береговому почетный знак заслуженного летчика-испытателя СССР.

Генерал-полковник Н. Каманин, Г. Береговой и космонавт П. Беляев.

Г. Т. Береговой в период подготовки к космическому полету.

Год 1943-й. Командир эскадрильи штурмовиков Георгий Береговой и инженер его эскадрильи, земляк и товарищ, прошедший с ним всю войну, Виктор Бахтин.

С прицелом на далекую звезду

Мать Г. Т. Берегового Мария Семеновна и его старший брат генерал-лейтенант Советской Армии Михаил Тимофеевич Береговой.

Семья Г. Т. Берегового: Георгий Береговой, его жена Лидия Матвеевна, дочь Люда, школьница, и сын Виктор, студент.
Фото АПН.

Корреспондент журнала «Огонек» А. Голиков попросил летчиков-испытателей, друзей Георгия Тимофеевича Берегового, рассказать о своем товарище.

В ПЕРЕВЕРНУТОМ ШТОПОРЕ

Рассказывает Герой Советского Союза заслуженный летчик-испытатель СССР Василий Гаврилович Иванов.

К нам на испытательную работу Георгий Тимофеевич пришел в 1948 году. Поначалу его назначили на испытание штурмовиков, так сказать, по прежней военной специальности. Но он стал настоятельно проситься перевести его на испытание истребителей. Это работа куда сложнее — большие высоты, большие скорости, высший пилотаж. Вот тут судьба и свела нас поближе. С первых же полетов я увидел, что у Георгия Тимофеевича есть, что называется, летная хватка. И техника пилотирования отличная.

На первых порах не обошлось и без ошибок. Но Береговой их никогда не скрывал, а это, по себе знаю, порой бывает нелегко.

Вскоре у Берегового, как и у каждого из нас, проявилась склонность к определенным видам испытаний. У него, в частности,— к испытанию машин на штопор. Делал он это виртуозно. И когда к нам поступил новый, сверхзвуковой истребитель, я поручил Береговому проверить его на штопор — в то время я был летным начальником Георгия Тимофеевича.

...Один полет... Второй, третий... Все шло нормально. Тогда он уже стал более основательно выявлять качества нового самолета. Береговой как бы превратился в малоопытного летчика. Умышленно сделал ошибку в пилотаже, и истребитель свалился в перевернутый штопор. Георгий стал выводить машину из опасной фигуры, но делал это недостаточно четко, с ошибками. Надо было выяснить, в какой мере новая машина безопасна для неопытных пилотов. Истребитель не реагировал на движение рулей и, вращаясь на спине, стремительно мчался к земле. Ясно — новая машина строгая! Ошибок летчику не прощает. Пора прекратить штопор. И Береговой действует уже, как многоопытный испытатель. Тем не менее штопор продолжался, машина так раскрутилась, что не слушается летчика. А у нас есть такое правило: если после двух попыток машина не выходит из штопора, ее следует покинуть. Однако Береговой так не поступил. В скупо отсчитанные секунды он снова и снова пытался обуздать непослушный самолет.

Георгий Тимофеевич вывел самолет из штопора над самой землей и благополучно вернулся на свой аэродром. О полете он докладывал так спокойно, будто и не пережил только что смертельной опасности. Спрашиваю: «Почему не катапультировался?» Отвечает: «Хотел машину сохранить, чтобы выяснить причину аварии. Был уверен, что самолет меня послушается и высоты хватит».

Когда Береговой решил стать космонавтом, у нас в части никто особенно не удивился. Он всегда стремился к новому и неизведанному. Помню, я пошутил: «Что ж, хочешь слетать в космические дали?» «Да,— смеется он,— с прицелом на далекую звезду». «А по здоровью-то пройдешь, ведь тебе не двадцать пять и не тридцать пять. За плечами — фронт, годы нелегкой испытательной работы». «Уверен, что по здоровью пройду. А летная работа, особенно испытательная, поможет, да еще как».

Время показало — Береговой был прав. Ведь он, собственно, пересаживался с одного летательного аппарата на другой, конечно, со своими особенностями, огромными сложностями. Но освоить космический корабль летчику-испытателю легче, чем кому-либо другому.

На космическом корабле много контрольных и индикаторных приборов. Космонавт должен их бегло читать. А к этому Береговой уже был подготовлен. Когда он испытывает сверхзвуковой истребитель, то перед ним тоже несколько десятков приборов. И он все их видит. Собственно, у него уже есть выработанный маршрут движения глаз.

Мы, летчики-испытатели, от души поздравляем своего бывшего коллегу.

ВОТ КАКОЙ ХАРАКТЕР!

Рассказывает заслуженный летчик-испытатель СССР Алексей Георгиевич Солодовников.

Вместе с Георгием Тимофеевичем я работал лет десять. Да и жили мы рядом, в одном доме. Скажу сначала о нем как о летчике-испытателе. Похоже было, что он и родился для этой профессии. Умение правильно оценить обстановку, принять единственно верное решение и мгновенно выполнить его присущи ему в полной мере.

Помнится, вместе с Георгием

Г. Т. Береговой в кабине самолета перед испытательным полетом.
Фото ТАСС.

Тимофеевичем мы испытывали воздушные тормоза на одном из первых реактивных истребителей. Истребитель не был сверхзвуковым, но при крутом пикировании развивал большую скорость, уходил за звуковой барьер и становился неуправляемым. Помешать самолету развить опасную скорость должны были специальные тормоза. Их эффективность мы и проверяли.

Эта работа вроде бы проще, чем, скажем, полное испытание новой машины. Но дело это весьма тонкое. Известный комплекс работы летчика — «увидел — осмыслил — отреагировал» — тут следовало выполнять без малейшей проволочки. Особенно «отреагировать», то есть прекратить пикирование. Упустишь мгновение — и машина станет неуправляемой, прекратишь пикирование на секунду раньше — не сумеешь проверить эффективность тормозов. И Береговой эту ювелирную работу выполнял изумительно.

Современная авиационная наука помогает многое предвидеть в поведении, в летных характеристиках нового самолета. Но все предвидеть невозможно. Собственно, каждый опытный самолет — это как бы уравнение с одним, а то и несколькими неизвестными. Решать уравнение призван летчик-испытатель. При этом он может встретиться с самыми неожиданными коллизиями.

Случалось такое и с Береговым. Мы с ним были ведущими летчиками-испытателями сверхзвукового истребителя-перехватчика. Машина еще была, как у нас говорят, сырая — доводилась в процессе испытания. И однажды, когда Береговой поднялся в воздух, у самолета заклинило ручку управления... На машине была еще и аварийная система управления, которая давала летчику время для спасения, для катапультирования. Береговому так и следовало поступить. Но он решил спасти машину, чтобы выяснить причину неисправности. Отошел подальше от аэродрома и стал садиться. Самолет приближался к земле по какой-то волнообразной линии. На такую посадку было страшно смотреть — дух захватывало. Санитарная и пожарная машины ждали испытателя возле посадочной полосы. И... Георгий Тимофеевич мастерски посадил самолет. Рисковал он не напрасно. Дефект был обнаружен, устранен, и истребитель вошел в строй.

И еще один характерный эпизод. Однажды, испытывая новый опытный истребитель, погиб наш товарищ летчик Андреев. Он сделал все возможное, чтобы спасти машину. Посадил самолет, а сам погиб. Тем не менее инженеры на земле до конца не смогли разобраться, что же произошло в воздухе, что явилось причиной катастрофы. И тогда Береговой отправился в полет на втором экземпляре разбившегося опытного самолета. Береговой довел работу товарища до благополучного конца.

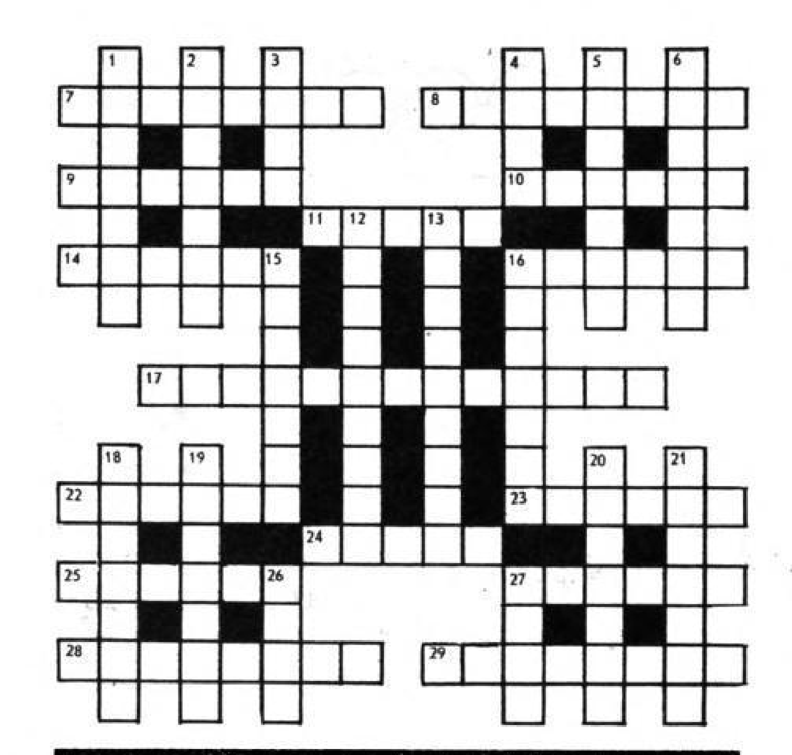
Вместе с Георгием мы, как это говорится, пуд соли съели. И, близко наблюдая своего товарища, я всегда поражался его умению четко распределять свое время, его необыкновенной способности быстро и целиком переключаться с одного дела на другое. Мы вместе с ним учились заочно в Военно-воздушной Академии, ныне имени Ю. А. Гагарина, и проводили сложные испытания сверхзвукового истребителя. Садясь вечером за книги, я никак не мог выкинуть из головы впечатления от минувшего полета. И, конечно, толку от таких занятий было немного. А вот Береговой занимался куда продуктивней.

Нередко мы вместе с ним выезжали в авиационные части, чтобы помочь строевым летчикам овладеть новой техникой. И тут у Георгия Тимофеевича проявлялся поистине преподавательский талант. Он очень ясно, толково объяснял, показывал, передавал свои знания, навыки другим. Думается, что в этом ему помогал боевой опыт командира эскадрилий штурмовиков.

Встречались мы с ним и в свободное время. Соберемся вместе с семьями и на машинах махнем куда-нибудь на природу — отдохнуть, порыбачить. Бывало, затеем там купание, а Георгий на берегу сидит. Плавать-то он не умел. Начнем над ним подшучивать: «Ты, что же, вроде герой со всех сторон, а воды боишься»,— а он улыбнется в ответ: «Вода, братцы, не моя стихия».

Когда он ушел в космонавты, мы стали видеться реже, но как-то жарким летним днем встретились. Он вдруг и приглашает меня съездить искупаться. «Вода,— говорит,— теплая сейчас, поплавать приятно». «Как же,— говорю,— поплавать, ты же всегда утверждал, что только по-топорному плаваешь?» «Научился,— смеется Георгий,— захочешь к звездам летать, и не тому научишься. Теперь даже под водой плаваю — в невесомости тренируюсь».

Вот какой у него характер!

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 8. Автор балета «Раймонда». 9. Небесное тело. 10. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 11. Роман Ф. М. Достоевского. 14. Спортивное общество. 16. Вязаная фуфайка. 17. Режиссер, педагог, теоретик театра. 22. Персонаж романа Н. Островского «Как закалялась сталь». 23. Порт на берегу Балтийского моря. 24. Хищное животное семейства куньих. 25. Хлопчатобумажная ткань. 27. Музыкальный интервал. 28. Спортсмен. 29. Азербайджанский драматург.

По вертикали:

1. Химический элемент. 2. Картина Н. А. Ярошенко. 3. Созвездие северного полушария неба. 4. Единица мощности. 5. Советский скульптор. 6. Стенной ковер. 12. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 13. Цветок. 15. Курорт в Читинской области. 16. Дерево или кустарник среднеазиатских пустынь. 18. Русский хоровод. 19. Северная область Земли. 20. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 21. Карельский и финский музыкальный инструмент. 26. Столица арабского государства. 27. Административно-территориальная единица в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

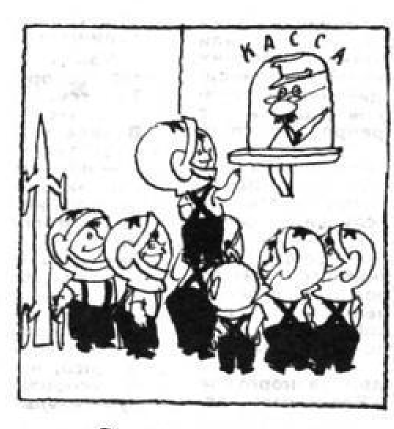
7. Цикламен. 8. Экспонат. 9. Сковорода. 10. Пасека. 11. Верона. 13. Капуста. 15. Пикша. 17. Рифма. 19. Белинский. 20. Тарту. 21. Овраг. 23. Нахимов. 28. «Отелло». 29. Асбест. 30. Несмеянов. 31. Гарнизон. 32. Увертюра.

По вертикали:

1. Кинескоп. 2. Лавсан. 3. Реторта. 4. Акробат. 5. Оправа. 6. Валторна. 12. Кулинария. 13. Камерун. 14. Архипов. 16. Илька. 18. «Млада». 20. Телеграф. 22. Гётеборг. 24. «Апостол». 25. Окинава. 26. Зонтик. 27. Жавари.

На первой странице обложки — рисунок Н. Жукова. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

На последней странице обложки — автолитографии Н. Жукова: СПАСИБО МАТРОСАМ! и РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

— Вы принимаете коллективные заявки для полета на Луну?

Туристские маршруты недалекого будущего.

Рисунки Ю. Черепанова.

А. СОФРОНОВ, В. ВИКТОРОВ.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Мексиканская симфония

Олимпийский огонь погас. Последние блики его пламени оказались подобными последнему взмаху дирижерской палочки, на богатырском подъеме закончившему мексиканскую симфонию.

Ощущение такое осталось у нас после двухнедельного беспрерывного путешествия по спортивным площадкам, где звучала спортивная симфония XIX Олимпийских игр.

И не только на спортивных площадках. Всюду в Мехико, куда только бросали мы взор, вся страна жила праздником Олимпа. Все здесь было, в Мехико,— и музыка, и танцы, и карнавальные огни, и пестросплетенные узоры электроламп в вечерней темноте.

Мы не ошибаемся, когда говорим о празднике. Мексика, мексиканский народ сделали все, чтобы Олимпийские игры 1968 года запомнились человечеству как событие, выходящее за пределы спорта. В беседе с гостем Олимпиады, советским летчиком-космонавтом Германом Титовым президент Мексики, отвечая на поздравление Титова по поводу успеха мексиканского спортсмена Хосе Педраса, завоевавшего серебряную медаль в ходьбе на 20 километров, пошутил: «Это очень дорогая для нас медаль, хотя она и серебряная. Мы много вложили золота, чтобы Олимпийские игры были успешными».

Но к мексиканцам пришло и золото. Юный Фелипе Муньос в заплыве брассом на 200 метров завоевал золотую медаль, оставив на втором месте (тут мы только можем вздохнуть) нашего рекордсмена Косинского. Так что в какой-то степени мексиканцы вернули себе золото, а Фелипе Муньос в один день стал героем Мексики, и мы имели удовольствие видеть его ежедневно выступающим по телевидению в окружении убеленных сединой дядей, спрашивающих его обо всем, что только может позволить фантазия телевизионных спортивных комментаторов. Хотя и вздохнув, мы радуемся успеху молодого мексиканца.

Мы радуемся и успехам наших спортсменов, которые в ряде видов спорта, от таких суровых, как штанга, борьба, бокс, стрельба, фехтование, до таких изящных, как гимнастика, оказались на должной олимпийской высоте. Но не только этому мы радуемся. Именно на этих Олимпийских играх особенно ярко проявили свои таланты спортсмены Африки, арабских стран. Дух свободы и национальной независимости вывел их на спортивные дистанции, словно бы расковал их, сбросил путы с рук и ног и дал возможность показать прекрасные спортивные результаты.

Не это ли и есть самое главное в олимпийских сражениях, когда представители почти всего человечества получают возможность выявить свои таланты, в данном случае спортивные?

Опустела олимпийская деревня. Спортсмены обмениваются адресами и сувенирами, покидают Мехико для того, чтобы снова, уже в своих странах, обогащенные спортивным опытом, жалея о потерях и просчетах, продолжать двигаться вперед, опираясь на лучшие результаты. Но дело не только в спорте.

Что же еще прибавилось людям за короткое время пребывания в Мексике? Боб Бимон, автор нового феноменального олимпийского рекорда по прыжкам в длину, отвечая на вопрос, почему он торопится покинуть Мехико, ответил: «Я усиленно занимаюсь русским языком. Это язык нелегкий. Не хочу терять времени». Да, никому не хочется напрасно терять времени. Но можно сказать, что время, проведенное нами в Мехико, не пропало даром. Именно здесь еще и еще раз проявились, за некоторым исключением, высокие качества советских спортсменов. О них хочется рассказать в этой заключительной части нашей мексиканской симфонии.

СЕРЕБРО ИЛИ ЗОЛОТО

Удельный вес этих двух металлов известен. Все преимущества отдаются золоту. Нам только хочется коротко рассказать о том, что иногда серебро стоит не меньше, чем золото. Во всяком случае, мужество, проявленное при получении серебра, можно назвать золотым. Все это происходило на поднятии штанги. Наш спортсмен Ян Тальтс отставал от своего главного соперника, уверенно прогрессирующего за последнее время финского спортсмена Кангасниеми, в жиме на 12,5 кг, а после рывка этот разрыв достиг уже 20 кг.

20 килограммов — как двадцать метров. Почти пропасть, которую не так-то легко перепрыгнуть. И Тальтс не перепрыгнул эту пропасть. Может быть, тогда и не стоило писать об этой его неудачной попытке? Но нам кажется, что стоило. И мы пишем. Пишем потому, что верим в будущие успехи Яна Тальтса, считаем, что он сумеет в будущем быть таким, каким он был в то время, когда не он проигрывал Кангасниеми, а Кангасниеми — ему. Как известно, спорт — это постоянная борьба. Вечное соревнование.

Мы приехали в театр «Инсурхентес» уже тогда, когда было известно, что Ян Тальтс отстает на 20 кг от Кангасниеми. Это было видно и невооруженным взглядом на таблице — основной декларации в этом драматическом поединке. Короче говоря, мы приехали к толчку. Толчок начал египтянин, последовательно поднимая 155 и 165 килограммов. За ним поляк Голомб поднимает 180, за ним швед Юханссон — 182,5.

Уже спокойно идущий впереди Кангасниеми повторяет этот вес. Тальтс спокойно берет 185 кг. Именно спокойно. Но вес этот подчиняется не всем... Голомб в следующей попытке с большим трудом, но поднимает штангу. Юханссон назначает себе 187,5 и не берет. Кангасниеми под аплодисменты финских болельщиков поднимает штангу.

Мы понимаем финнов. Это очень приятно, когда твой соотечественник находится на спортивной высоте. Второй раз появляется Юханссон и пытается поднять 187,5. Пытается, но не поднимает.

Накал борьбы становится предельным. Диктор говорит по-русски: «Подготовиться Яну Тальтсу, Советский Союз».

Тальтс готов. На штанге 190 килограммов. В зале тяжелая, как штанга, тишина. Тальтс подходит к штанге. Стоит. Смотрит на штангу и — поднимает. Гремят аплодисменты... Кангасниеми пробует поднять вес, но штанга на этот раз ему не подчиняется. Кангасниеми выручает более молодой его соотечественник Кайлаярви. Он тоже берет этот вес. Мы снова волнуемся. Очень волнуемся. Нам хочется, чтобы хотя бы в этом весе наш Ян Тальтс вышел вперед.

Но здесь наступает разрядка. На сцене появляется уже немолодой, известный штангист, представляющий Англию, Л. Мартин. Он заказывает себе 192,5 кг. Первая попытка — падает штанга, к счастью, не на Мартина. Но Мартин не успокаивается — он делает вторую попытку. Результат тот же — штанга и Мартин лежат на помосте. Тренер подходит к Мартину. Что-то говорит ему. Но Мартин непреклонен. Он третий раз подходит к штанге и снова оказывается на полу. В зале сочувственные аплодисменты — за мужество, за дерзновенную попытку.

У Тальтса остается один резервный выход. И он выходит. На этот раз штанга весит 197,5 килограмма.

Возьмет или нет?

Если возьмет — это рекорд. В зале сверхтяжелая тишина. И снова Тальтс стоит над штангой. Потом рывком поднимает ее себе на грудь. Потом уверенно вытягивает руки. Вес взят! Рекорд есть! В зале уже нет тишины. В зале буря.

Кажется, все?

Нет, еще не все. Финн Кайлаярви делает еще попытку. Он выходит на сцену. Просит поставить 200 килограммов. Тишина. Тяжелая тишина. Но... тишина все же легче штанги. Кайлаярви не может подняться, не может вывести штангу на грудь и бросает штангу на пол. Бросает, но не хочет успокоиться. Пусть будет меньше 200 кг, но пусть хотя на полкилограмма будет больше рекорда Тальтса. На штанге 198 килограммов. Кайлаярви очень хочет поднять этот вес. Хочет, но не может. Есть закон тяготения. По этому закону штанга не поднимается, а летит на землю. Кайлаярви, конечно, обидно. А нам в данном случае, если честно говорить, не очень. Если бы все было так просто, мы бы тоже занялись штангой. Но не занимаемся. Каждому свое.

В сумме трех движений первенство завоевал Кангасниеми.

Вот, собственно, и все... Конечно, нам бы тоже хотелось, чтобы золото было у нас. Но и серебро, завоеванное в такой острой борьбе, ценится не меньше, чем золото. Так, во всяком случае, нам кажется.

ЧТО БЫВАЕТ ПОД УТРО?

А в самом деле, что бывает под утро? Говорят, что под утро особенно крепко спят. И что не так легко проснуться. А еще бывает, что снятся тяжкие, неприятные сны. Бывает... и у нас бывало в Мехико. Как ни грустно, это связано с баскетболом. С нашей баскетбольной командой. Прославленной, и не один раз, журналистами. Мы очень надеялись на баскетбол. Но уже первые игры с мексиканской и бразильской командами наполнили нас волнениями. Уж очень трудно было нашим баскетболистам. Очень трудно они выигрывали. Какая-то скованность чувствовалась в игре. Мы бы сказали, замедленность. Но все же выиграли у мексиканской команды. С еще большим трудом — у бразильцев, проигрывая первый тайм.

С неким ощущением тяжести пришли мы и на игру нашей команды с югославами. Но нас успокаивали: все будет в порядке. Нам передали извещение, что после игры тренеры проводят пресс-конференцию. В сердце кольнуло — не преждевременно ли назначена пресс-конференция? Мы люди суеверные... Шкура неубитого медведя — еще не шкура.

Но прозвучал свисток. Команды обменялись памятными флажками. Игра началась. Очень плохо началась. У югославов очки все прибавлялись. 0 : 4, 2 : 4, 4 : 8, 8 : 16... 10 : 18... 10 : 20... К концу первого тайма счет начал несколько сокращаться и дошел до 21 : 24. Но разве это счет для чемпиона мира? А нам все говорили: ничего, все будет в порядке. Первый тайм закончился 27 : 31 в пользу югославской команды.

— Все будет в порядке,— говорили нам.

Начался второй тайм. Но порядка не было. Игроки так же неорганизованно передвигались по площадке. Излишне долго передавали друг другу мяч. Это хорошо, когда есть запас. Но запаса не было. Не было, и все. Тренер Александр Гомельский взял несколько положенных правилами перерывов. Но порядка не было. К середине тайма порядок появился. Положение уравновесилось. Но совсем ненадолго. Что-то случилось с табло. На нем побежали фантастические цифры: 100... 101... 102... В пользу нашей команды. Но это были лишь очередные неполадки «Омеги», и лишь на последних минутах опять равновесие — 55 : 55. Потом мы выходим вперед на три очка. Мажем один штрафной за другим. Всего со штрафных не использовали 25 очков. Своеобразный рекорд для такой ква-

лифицированной команды, как наша. А потом... потом югославы вышли вперед. Заревела сирена. 62 : 63 в пользу югославской команды, которая играла дружно и напористо, чего нельзя сказать о нашей команде. Александр Гомельский на последних минутах часто хватается за голову. Но, к сожалению, наши игроки не хватались за мяч. А если и хватались, то отдавали его соперникам.

Вот что бывает под утро. В Мехико был вечер, а в Москве уже наступило утро. Наши читатели были в более выгодном положении, чем мы. Они в это время спали, а мы смотрели игру. А потом, когда время пришло спать, мы не могли уснуть, потому что слишком сонными были наши игроки.

Конечно, писать о проигрыше своей команды всегда трудно, даже не хочется. Но мы решили это сделать, не называя поименно игроков нашей команды. Не потому, что мы хотим в чем-то прикрыть их, а просто называть нам по этой игре просто некого.

В последней игре с бразильской командой наши баскетболисты завоевали третье место. Бронза тоже металл...

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО, ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Вот он перед нами, герой одного из очерков «Огонька» — Александр Медведь. Очерк так и назывался «Медведь в стране слонов». В нем рассказывалось о победе белорусского богатыря на чемпионате мира в Индии. И вот он в Мексике, в стране ацтеков, добродушный, улыбчивый, деликатный, как все очень сильные люди. Когда с ним беседуешь, он немного стесняется выпавшего на его долю успеха. Разве можно радоваться только своей победе? И он жмется к кирпичной стенке дома № 8, в котором живет в олимпийской деревне наша спортивная делегация, освободившись от всех дел, встречает товарищей, возвращающихся с соревнований, и, кого можно, поздравляет, кому молча жмет руку, кому лишь улыбается издали. И на наши журналистские, похожие вопросы отвечает с полнейшей готовностью.

Ну, провел пять встреч, все выиграл. В финале встретились с болгарином Дуралиевым. Пришлось вести схватку с вывихнутым большим пальцем. Неудобно. Ничего, собрался с силами. Сам себе его вправил.

Ко всему хорошему быстро привыкаешь, а в его спортивной биографии побед немало. Золотая медаль на Токийской олимпиаде в полутяжелом весе, две золотые медали первенства мира в том же полутяжелом весе и две в тяжелом...

Да, у Александра Медведя все в порядке. И, беседуя с этим надежным человеком, не хочется уходить от него. Но надо! Надо смотреть прямо в глаза не только удачам. Надо писать не только об успехах для того, чтобы не повторились неудачи в будущем. Вот почему мы решили рассказать о печальном итоге выступлений двух других олимпийских чемпионов-яхтсменов — Тимира Пинегина и Федора Шуткова.

Рулевой яхты класса «Звездный» Пинегин и его матрос Шутков, завоевав первенство на Римской олимпиаде, не раз после этого добивались успеха на крупнейших соревнованиях. И на олимпийской регате в Акапульно их считали одними из претендентов на призовые места. Но тут внесла свои коррективы организационная неразбериха. Яхту Пинегина должны были отправить из Неаполя в Мексику. Наши спортсмены вернулись из Италии домой, уверенные, что их «Звездник» будет погружен на советский пароход. Но когда прибыли за две недели до начала Олимпиады в Акапульно, там своей лодки не нашли. Яхта была доставлена лишь за три часа до начала обмера. Как выяснилось, по чьему-то недосмотру пинегинский «Звездник» был погружен на английский корабль, три месяца проблуждал в тропиках и был доставлен не в Мексику, а в Бразилию, где его с трудом и разыскали хозяева Олимпиады. А Пинегин, так ни разу и не походив под парусами по Тихому океану, начал борьбу, заранее обреченный на поражение.

Кто же виноват в этом?

Как могло случиться, что яхтсмен, имеющий наибольшие шансы на успешное выступление на XIX Олимпийских играх, ни разу не побывал на предолимпийских репетициях? А какое значение имели эти репетиции для яхтсменов, показал Валентин Манкин. Лишь ему одному удалось побывать в прошлом году в Акапульно, и именно он, хозяин «Финна», завоевал олимпийское первенство.

ЦИФРЫ И ЭМОЦИИ

Наташа Кучинская сорвалась с брусьев и потеряла все шансы на успех в борьбе с Верой Чаславской за золотую медаль. Эта весть обрушилась на наши головы в первый день гимнастического турнира.

Всеобщая любимица Олимпиады, которой на параде открытия Олимпийских игр мексиканские кабальеро бросали под ноги свои расшитые золотом сомбреро, невозмутимая, улыбчивая Наташа Кучинская потеряла на брусьях больше балла и отодвинулась сразу на 11-е место. Выдержит ли команда такой неожиданный удар, сохранит ли волю и сплоченность в борьбе за самую почетную победу — командную?

Вот на какой вопрос мы ждали как можно скорее получить ответ вечером 23 октября, направляясь в огромный зал «Аудиторио», столь набитый зрителями, что даже нас, журналистов, полицейские по одному пропускали через свою цепь.

После двух предолимпийских соревнований гимнастика стала любимицей мексиканцев. Не случайно на гимнастику вход только по специальным билетам, несмотря на то, что спортивный зал, где она проводилась, вмещает 30 тысяч зрителей.

И вот перед нами помост, и на нем команды, претендующие на призовые места. Наши главные соперницы по Токийской олимпиаде — японки — уже закончили выступления и набрали совсем немного — всего 375,45 балла.

Борьбу за олимпийское первенство ведут команды СССР и Чехословакии. А судьба личного первенства, видимо, решена после срыва Кучинской... Так по крайней мере казалось нам в начале этого вечера. Но мы не учли удивительной девичьей твердости той, которую весь Мехико знает как Наташу. Она выступает с такой филигранной точностью, будто сохраняет все шансы на свою личную победу. В упражнениях на бревне и в вольных движениях ее оценили так же высоко, как и Чаславску, а в прыжках и на брусьях она хотя и уступила, но все равно смогла в итоге переместиться с 11-го на 3-е призовое место. Ее подруга по команде Зинаида Воронина, выступившая ровно по всей программе, завоевала серебряную медаль. Интересно, что в шестерке лучших вслед за Верой Чаславской места заняли три советские спортсменки (Лариса Петрик заняла 4-е место). Это соотношение сил определило в конечном счете и расстановку сил в командном первенстве. Гимнастки СССР завоевали золотую медаль, обогнав команду Чехословакии всего на шестьдесят пять сотых балла, а третье призовое место заняла отлично подготовленная команда ГДР. Японки остались на четвертом месте.

Таковы цифры. Но разве только в них дело? Нет, в конечном счете нам запомнятся не они, хотя мы лихорадочно их складывали, пытаясь все время точно знать, насколько наши девушки впереди. Запомнятся движения гимнасток, исполненные грации и точности, восторженные овации новых поклонников этого замечательного спорта — мексиканских зрителей, сила человеческого духа, преодолевающего все препятствия на своем пути.

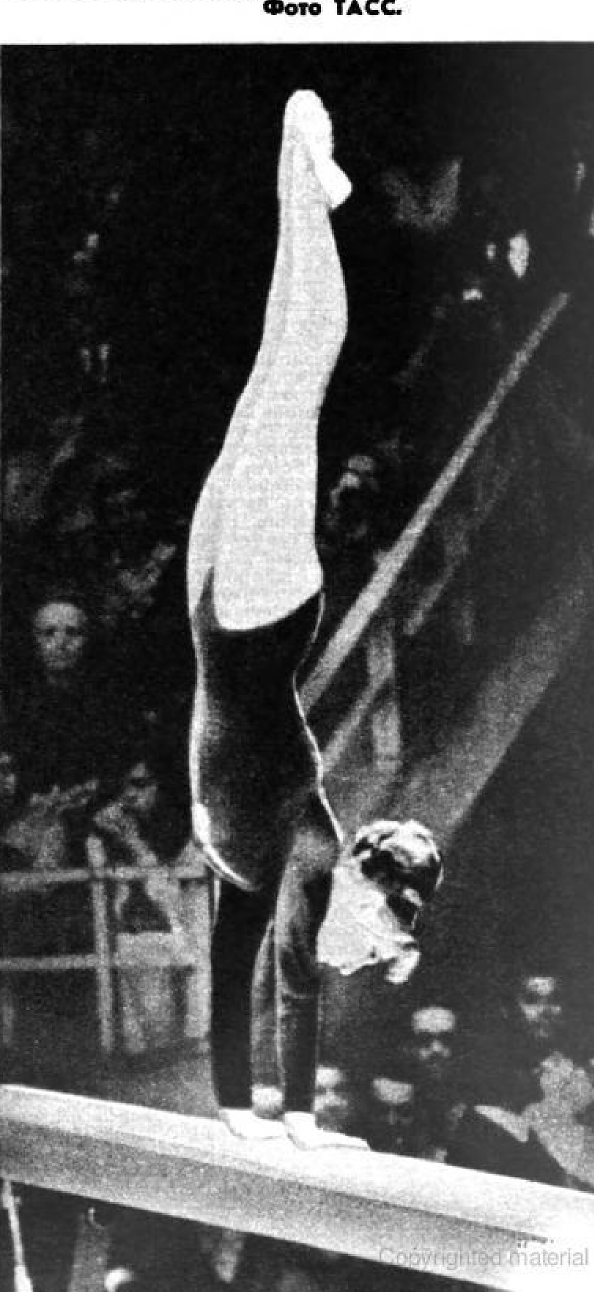
Да, эмоций на гимнастике нам хватило с избытком. И надо сказать, что гранитная тяжесть цифр в конце концов превысила изящную легкость эмоций. Много ли тянут пять сотых балла? Взвесьте на ладони эту бесконечно малую арифметическую величину — пять сотых! А каким тяжелым грузом легли эти цифры на всех нас!

Мужчины-гимнасты начали борьбу на помосте совсем иначе, чем женщины. Те после обязательной программы уступали личное первенство и сохранили лидерство в командном. Гимнасты наоборот: сразу же уступили в командной борьбе японцам, а в личном Михаил Воронин на три десятых балла обогнал Акинори Накаяму и возглавил список сильнейшей шестерки, в которую, кроме Накаямы, входили его товарищи Савао Като, Эйцо Кемоцу, Такаси Ка-

Торжественное закрытие XIX Олимпийских игр. Знамя советской спортивной делегации несет Леонид Жаботинский.

Наташа Кучинская заняла первое место в упражнениях на бревне.
Фото ТАСС.

то и наш Сергей Диомидов. И вот наступил решающий вечер. Снова переполнен огромный зал. Снова кипит он мексиканскими страстями. Снова цифры вспыхивают на табло, вызывая то восторженные овации, то возмущенный свист. Японские и советские гимнасты начинают борьбу по обязательной программе рядом: на коне и на кольцах. Японцы в махах не достигли большого успеха (если бы мы знали, какая крупная неудача ждет нас на этом снаряде, требующем безукоризненной выдержки и координации движений): их лидер Накаяма получил всего 9,45 балла, Савао Като на одну десятую балла больше. Воронин в это время отлично выполнил свою комбинацию на кольцах — 9,7 балла. Это высокая оценка. Но вот мы можем сравнить ее с оценками, полученными японцами на кольцах. Накаяма получил 9,75 балла, Като и здесь обходит своего товарища. Зато в прыжках Воронин восстанавливает потерянное и уходит вперед после упражнений на брусьях. После перекладины Воронин и Накаяма рядом. Но к ним все ближе приближается Като. И вот последний снаряд. Наши выступают на коне, японцы исполняют вольные упражнения. И здесь-то наш гимнаст не выдержал напряжения борьбы. Дважды он допустил ошибку в исполнении комбинации. А Като с таким блеском исполнил свою программу, что даже не знающие, что такое эмоции, трое судей не выдержали и дали ему самую высокую оценку за весь вечер — 9,90. И эти 9,90 решили все. Като вырвался вперед, обогнав Воронина на пять сотых балла. Нашему гимнасту досталась серебряная медаль, Накаяме — бронзовая. В командном первенстве мы также остались на втором месте, а третью ступеньку пьедестала почета снова заняли гимнасты ГДР. Это большой успех наших друзей.

Как расценивать итоговый результат советских гимнастов? Нам думается, что они упустили вполне реальную возможность оставить японцев на втором месте и в личной и в командной борьбе. Наша команда была как никогда равноценна. Прекрасно подготовлена технически, чего, к сожалению, нельзя сказать о ее психологической подготовке.

КУБОК «ОГОНЬКА» У МЕКСИКАНКИ

Ну вот и все. Замерли судейские секундомеры. Стоп, Олимпиада. Последний протокол лег на наш рабочий стол. Пора прощаться с гостеприимной Мексикой, с ее прекрасной столицей, по которой мы столько колесили, торопясь с одной арены на другую. Что же, так и уехать? Ничего не оставив на память нашим друзьям-мексиканцам? А почему бы не вручить кому-нибудь из мексиканских спортсменов памятный кубок? Ну что же, можно и вручить. Но кому? Легкоатлету? Пловцу? Боксеру? Нет, кубок «Огонька» надо вручить девушке, которая пронесла олимпийский огонь по дорожке стадиона, взбежала вверх по девяноста ступенькам и зажгла над Мексикой пламя дружбы и спортивного сотрудничества. Кубок «Огонька» надо вручить мексиканской девушке Энрикете Басилио. Всегда честь зажжения олимпийского огня доверялась только мужчине. И вот эта традиция на XIX Олимпийских играх нарушена. Да, молодая бегунья, студентка университета, олицетворяет свою родину. И мы рады сообщить вам, дорогие читатели, что кубок «Огонька» вручен мексиканской девушке, вознесшей 12 октября 1968 года огонь на вершину олимпийского стадиона.

МАНЬЯНА

Мы хорошо запомнили это мексиканское слово «маньяна» — завтра. Здесь, в Мехико, это слово имело несколько шутливых оттенков, ибо не раз, обращаясь к нашим мексиканским друзьям с какой-либо просьбой, мы слышали в ответ «маньяна» — завтра, но главное, что назавтра наша просьба действительно выполнялась. Мы запомнили это слово так же, как мексиканцы запомнили наши слова, например, «с добрым утром». Когда в начале дня мы подходили к стойке нашего административного центра на Вилле Пренса, то шестеро сидящих веселых девушек хором произносили «С добрым утром», и почти без акцента. Что же, действительно с добрым утром, хотя и не всегда, не каждый день бывали у нас добрые утра. Бывали и недобрые. Но теперь это уже все позади. Теперь наступает маньяна, новая маньяна, новое завтра, когда мы, вспоминая все, что было в Мехико, должны, проявляя не временное, а постоянное олимпийское беспокойство, вести советский спорт на новые высоты. Именно на новые.

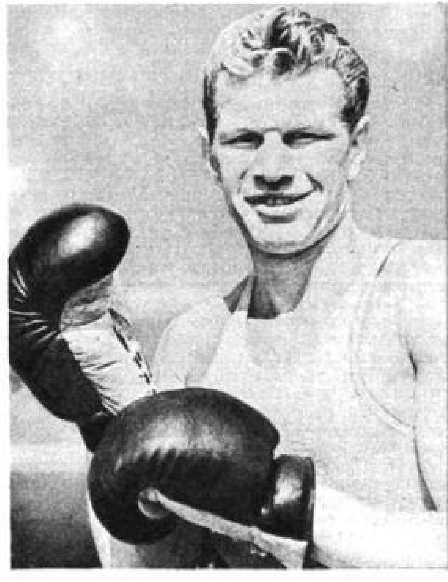
Уезжая из Мехико, мы предвкушаем еще один разговор с нашим добрым знакомым, провожавшим в Москве нас в путь. Мы уверены, что разговор будет примерно следующим:

— Ну что же вы?
— А что?
— Могли бы и получше.
— Могли.
— А что же вы?
— А вы недовольны?
— Да не то чтобы...
— А что?
— Да вообще могли бы.
— Не спорим.
— А что же вы?
— Маньяна, друг наш, маньяна. Это слово никогда нас не подводило.
— Вы уверены?
— Уверены, друг наш, уверены.

Да, дорогие наши читатели, мы уверены, ибо все в мире движется, все идет к новым высотам... И, конечно, в спорте, в нашем советском спорте.

1

2

1. Олимпийскими чемпионами стали женская и мужская волейбольные команды СССР. Это большой успех!

2. Лучшим боксером олимпиады в Мехико признан Борис Лагутин.

3. Три золотые олимпийские медали завоевали советские боксеры. В легчайшем весе победителем стал В. Соколов (в центре).

4. Чемпионы олимпиады: яхтсмен В. Манкин (слева) и мастер стендовой стрельбы Е. Петров.

5. Первыми у финиша в соревнованиях на байдарках-двойках были В. Морозов и А. Шапоренко.

6. Дан Позняк (слева) — олимпийский чемпион.

7. Шесть медалей в отдельных упражнениях завоевали наши гимнастки. Лариса Петрик разделила первое — второе места в вольных упражнениях.

8. Чемпион олимпиады в Мехико советский борец Р. Руруа (в центре).

9. Конник Иван Кизимов — олимпийский чемпион, обладатель приза «Гран-при».

Фото ТАСС.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

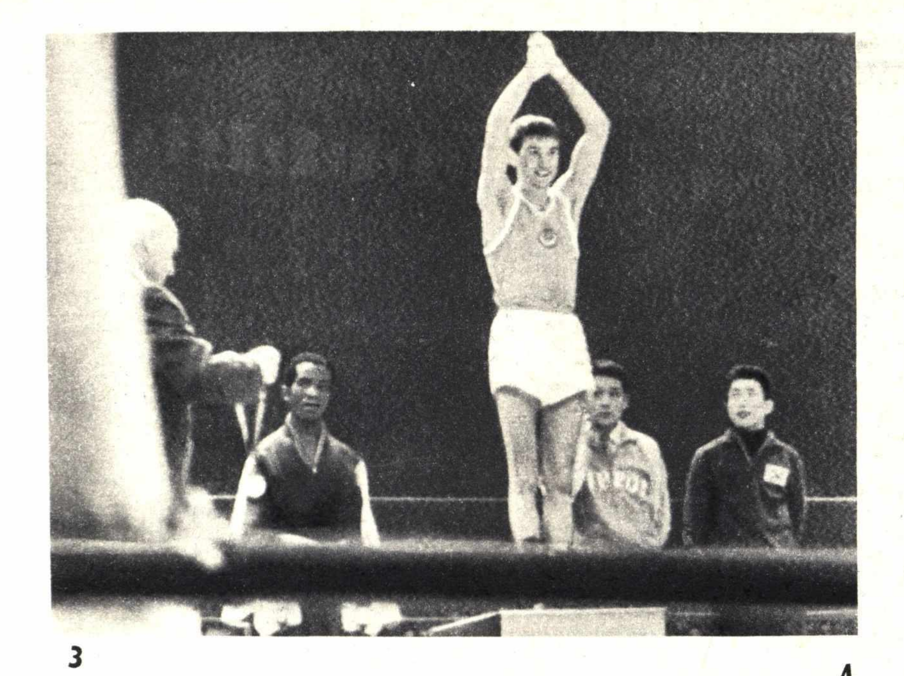
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 15/X-68 г. А 00495. Подписано к печ. 30/X-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 995 000 экз. Изд. № 1811. Заказ № 2948.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

3

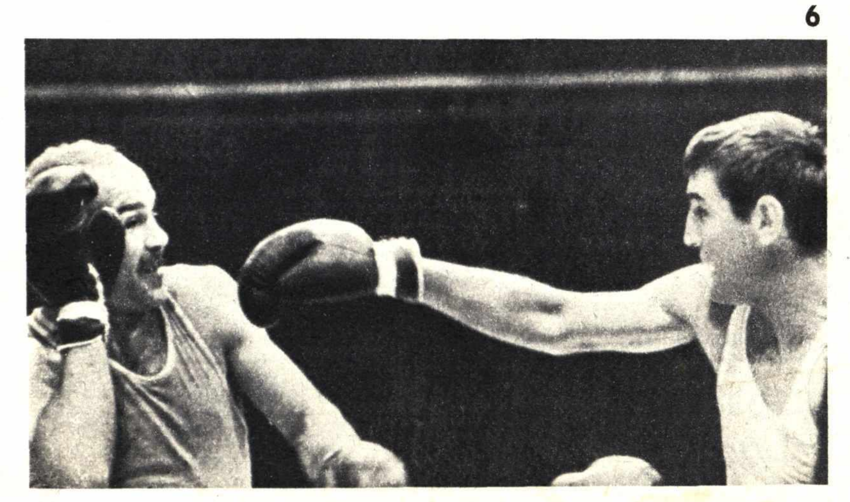
4

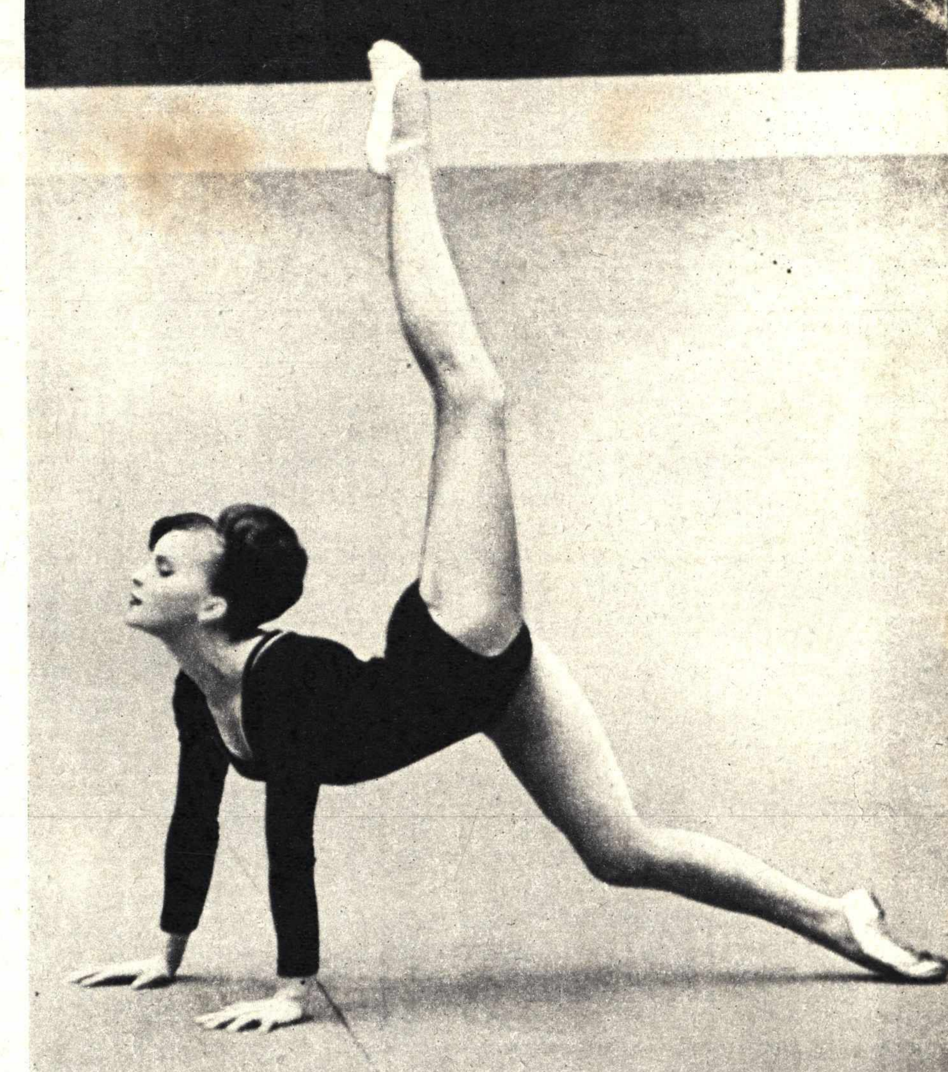

5

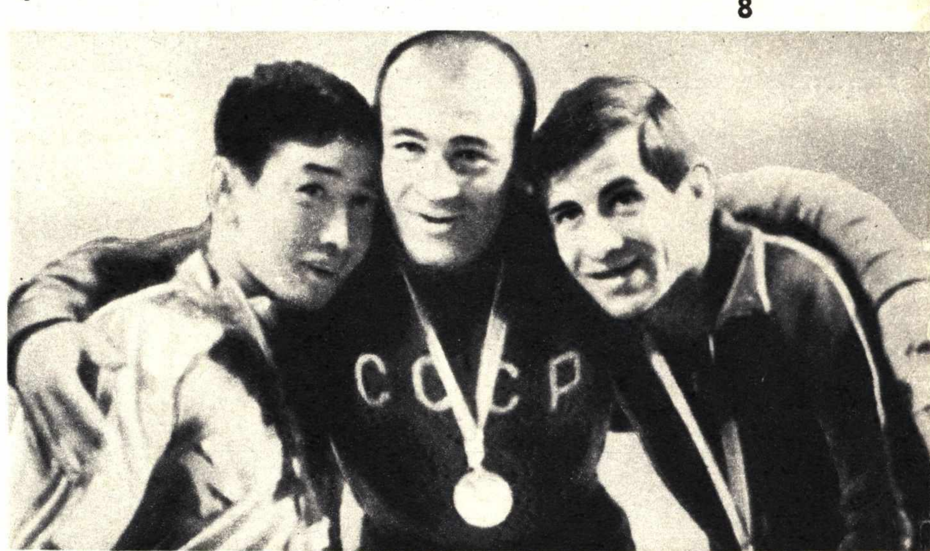
6

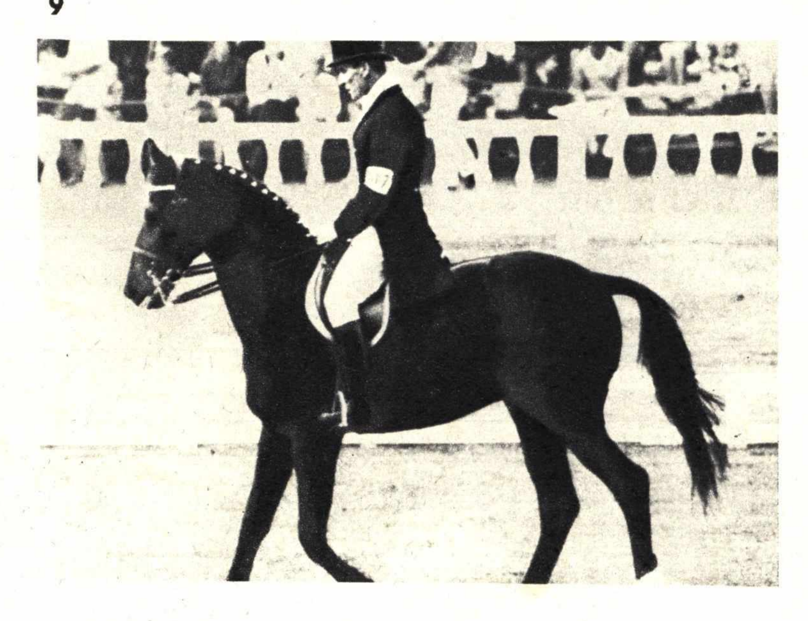

7

8

9

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663